

Автор о языках и о себе

О ЯЗЫКАХ

(попытка некоторых личных и общих объяснений)

У читателей моих книг может невольно возникнуть вопрос, относящийся к автору: сколькими же языками он владеет? Им я и хочу ответить на этот вопрос, стараясь быть предельно честным. А попутно мне хочется поделиться своим опытом занятий языками. Пусть этот опыт во многом несовершенен и состоит не столько из проб, сколько из ошибок, но, может быть, он пригодится тем, кто желает заняться изучением языков, хотя бы для того, чтобы избежать ошибок и быть удачливыми в своих пробах (стремлениях).

Итак, начнём с ответа на вопрос о многочисленности языков и об умении языковедов (и конкретно меня как лингвиста) оперировать большим количеством разнообразных языковых фактов. В мире, по приблизительным подсчётам, существует от 2500 до 5000 языков. Почему такое колоссальное расхождение в цифрах? Да потому, что подавляющее большинство языков мира —

это языки бесписьменные, а в таком случае очень трудно определить всегда, идёт ли речь о близкородственных языках или просто о сильно разнящихся диалектах какого-то одного языка. К тому же, даже письменные фиксации того или иного идиома (так назовём языковое образование, неясное по своему статусу, язык это или диалект) ещё не говорят о том, что это обязательно язык. Ведь есть, кроме макроязыков (языков в полном смысле слова), и так называемые микроязыки, представляющие нечто среднее между диалектом и языком. Подобный микроязык можно

назвать культивируемым (в определенных функциях) диалектом. А потом подобный микроязык может либо исчезнуть, будучи вытесненным макроязыком, близким к нему, либо, наоборот, стать полноценным макроязыком. Чтобы понять, о чём идёт речь, придётся привести несколько примеров. Вот, например, один из славянских микроязыков — кашубский, или поморский.

В прошлом носители этого языка занимали довольно обширную полосу вдоль южного побережья Балтийского моря, примерно от Гданьска на востоке до Щецина (в Польше) на западе. В это время у поморского (или кашубского) идиома были все шансы стать полноценным и полнофункциональным (макро)языком, таким, как русский, польский, чешский, сербский, болгарский. Однако историческая судьба была немилостива к поморянам (или кашубам). Подавляющее их большинство было германизировано, перешло на немецкий язык. Осталась только небольшая их часть на довольно узком пространстве, в основном на севере Польши, около городов Гданьск, Сопот, Гдыня и на несколько десятков километров к югу. К

тому же кашубские говоры очень неоднородны, особенно северные и южные. Пользуются ими в настоящее время около 300 тысяч человек, правда, на основе этих говоров сложился литературный кашубский язык. Сейчас этот язык воспринимается как один из диалектов польского языка, хотя и наиболее отличающийся от него: он противостоит как поморский всем остальным диалектам польского языка (великопольскому, малопольскому, мазовецкому и силезскому), которые называются континентальными. Кашубский микроязык имеет даже свои особые звуки, обозначаемые особыми буквами, отсутствующими в польском языке. Этим языком пользуются как разговорным, на нём создается (и записывается) фольклор, пишутся литературные произведения. Газета «Kaszëbë» (по-польски «Kaszubi») печатает свои материалы по-польски и по-кашубски. Но на этом языке не ведётся преподавание в школах кашубского региона, на нём не пишутся научные работы (даже о кашубском языке), на него не переводят с других языков. Во всех этих случаях кашубов обслуживает польский язык. Ниже, чем у польского, и социальный статус кашубского языка. Это язык преимущественно «домашнего обихода», в официальных учреждениях, особенно вне своего региона, кашубы пользуются польским языком. Кашубы не хотят и не могут расстаться со своим собственным малым языком, но в то же время для широких функций, связи с миром, они пользуются наиболее близким для себя большим польским языком. Поэтому кашубская интеллигенция, кроме той её части, которая связала себя с творчеством на кашубском микроязыке, преимущественно пользуется польским (макро) языком. Основными носителями кашубского (микро) языка остаются крестьяне, рыбаки, ремесленники-надомники, занятые изготовлением ценных предметов народного искусства.

Совсем не таков удел другого микроязыка, швейцарско-немецкого, сложившегося на основе алеманского диалекта немецкого языка. Швейцарско-немецкий очень сильно отличается от немецкого литературного языка. В отличие, однако, от кашубского, это общеразговорный язык Швейцарии с двумя веду-

щими вариантами, цюрихским и бернским (наиболее престижным считается первый). Немецким литературным языком немецкоязычные швейцарцы пользуются в литературном творчестве (хотя много пишут и на швейцарско-немецком), на нём же в основном ведётся и радиовещание (впрочем, и оно остаётся-таки не без участия швейцарско-немецкого), но между собой в разговоре швейцарцы (немецкоязычные) предпочитают пользоваться швейцарско-немецким языком, причём независимо от их ранга. Профессор в аудитории читает лекцию, допустим, по атомной физике на литературном немецком языке, но, выйдя в коридор на перемене, те же проблемы со студентами будет обсуждать на швейцарско-немецком. Поэтому иностранец, особенно долго живущий в Швейцарии, вынужден знать швейцарско-немецкий. И в силу этого в Швейцарии на литературном немецком языке пишутся и издаются самоучители и грамматики швейцарско-немецкого языка. Язык этот остро практически необходим. Он, в сущности, уже очень приблизился к статусу настоящего макроязыка, правда, ещё только в основе разговорного, но зато общенародного и, если можно так выразиться, общеклассового, то есть на нём в немецкой части Швейцарии говорят все швейцарцы, – и какой-нибудь скромный крестьянин низшего образовательного ценза, и профессор, и самый убогий бедняк, и преуспевающий бизнесмен. От немецкого литературного языка швейцарские немцы все же не отказываются, потому что этот язык связывает их с другими немецкоязычными странами – ФРГ, Австрией, Лихтенштейном, Люксембургом и даже с миром, потому что немецкий язык как один из мировых известен и вне пределов этих стран, например, в Бельгии, Нидерландах, Скандинавских странах. Но в то же время, в Швейцарии в качестве разговорного и языка местной литературы у них в большом ходу швейцарско-немецкий, а это, в свою очередь, наложило определенный отпечаток и на тот литературный общенемецкий язык, которым там пользуются: есть особый швейцарский вариант общенемецкого литературного языка со своими специфическими словами и оборотами.

Здесь пришлось много сказать о микроязыках для того, чтобы стала понятна общая закономерность языковой жизни мира.

В языковой жизни мира происходят беспрерывные изменения: одни языки полностью или почти полностью вытесняются (полностью вымер, например, древнеегипетский язык, а вот латынь, хоть и стала мёртвой, все еще, пусть ограниченно, употребляется, а потому и изучается), а другие возникают. И очень часто из бывших микроязыков. Так, с 1943-его года среди славянских языков появился новый македонский язык, длительное время считавшийся всего лишь диалектом болгарского. В Испании общепризнан в качестве отдельного литературного языка галисийский, который до того считали диалектом португальского. Среди германских языков в последнее время заявил о себе фризский язык, распространенный в основном в Нидерландах. Есть и случаи воскрешения языков. Так, не позже, чем в 6-ом веке нашей эры, а возможно, и значительно раньше, в 1-ом или 2-ом, вышел полностью из употребления, как бытовой разговорный язык, иврит (менее точное его название – древнееврейский). Со второй половины 19-ого века этот язык возрожден как разговорный, и в настоящее время в Израиле им пользуются как полноценным живым языком около 4 млн. человек. Причиной этого подлинного лингвистического чуда воскрешения языка, бывшего в состоянии мертвого около 2 тысяч лет, является то, что евреи сделали этот язык для себя священным и как таковой сохраняли его знание на протяжении этих тысячелетий, на нем молились, на нем читали свои священные книги, хотя и ограниченно пользовались им как общееврейским языком при общении евреев, живших в разных странах, например, в Германии и Аравии, Испании и Таджикистане. Вот эта привязанность к своему языку как к величайшему культурному духовному сокровищу и позволила языку сохраниться, а когда возникли благоприятные условия – и воскреснуть.

Но мы далеко отошли (а может, и наоборот, приблизились) от вопроса о множественности языков и от владения ими. А для того, чтобы понять ответ на этот вопрос, сразу же зададим себе другой вопрос, более конкретный, о каком овладении идет речь.

Один из известнейших русских языковедов Л.В.Щерба в своей книге «Как изучать иностранные языки» (название ее привожу по памяти, поэтому, возможно, не совсем точно) – кстати, до сих пор удивляюсь, почему эту крайне важную книгу, изданную, насколько помню, в 1923 или 1924-ом году, до сих пор не переиздали* – говорит, что прежде, чем браться за изучение того или иного языка, надо задать себе вопрос: для чего я хочу изучить данный язык? Нужно ли это мне для туристической поездки, для чтения литературы на данном языке или, может быть, для теоретической работы, связанной с языками. От этого зависит и уровень знаний, связанных с тем или иным языком. Если язык Вам нужен для кратковременной поездки и потребностей бытового общения, Вам достаточно умения правильно (понятно) произносить звуки нужного Вам языка, элементарного знакомства с основами его грамматики и набора наиболее важных фраз. Если Вы собираетесь читать на определенном языке, здесь уже нужны более основательные знания и прочтение хотя бы одной книги специальной или/и художественной страниц не меньше ста, а то и нескольких сотен. Если, наконец, Вы нуждаетесь в знании языка для научных разысканий, то здесь надо «набить себе руку» (а может быть, и язык) в изучении нескольких, желательно разных языков. Это позволит Вам буквально «на лету» ориентироваться в специфических чертах разных фонетик и грамматик и как пилоту во время слепого полета с помощью приборов, а не ориентировки по видимым предметам, благополучно пройти по всем лабиринтам даже незнакомых языков и не «разбиться», то есть не ошибиться в своих описаниях. Сошлюсь на свой пример, конечно, не для того, чтобы похвастаться, а для того, чтобы объяснить суть вопроса. Когда я писал свою первую книгу, в которой вплотную подошел к проблеме мерянского языка (между прочим, вполне неожиданно для себя), я на теоретическом уровне более или менее был

* Эта брошюра, изданная в Москве в 1929 году, доступна в Интернете, например, по адресу: <http://dmtr.nm.ru/scherba/> – (прим. ред.)

знаком с эрзя-мордовским языком (с которого начинал), с финским, венгерским и эстонским. То есть я знал эти языки чисто книжно: я на них не говорил, но более или менее много (или мало) читал, пробовал немного писать (маленькие поздравительные письма по-эрзянски) и, пожалуй, если было бы надо, я мог бы на них мысленно составить маленькие предложения, то есть очень медленно (мысленно) говорить. Это дало мне некоторую ориентацию в финно-угорских языках. Поэтому когда мне пришлось затем разбираться в карельских, ижорских, вепсских, водьских, ливских текстах, а я уже сталкивался с финским и эстонским языками (так же, как и с другими прибалтийско-финскими), то я уже мог более или менее грамотно в них разбираться. Это мне помогло и в работе над саамским языком. Знакомство с эрзя-мордовским помогло понять мокша-мордовский. Знакомство с мордовскими языками помогло разобраться в марийском, а затем и в пермских языках, удмуртском, коми-зырянском и коми-пермяцком. Дальше – больше, в хантыйском языке и самодийских языках мне помогли разобраться учебники, грамматики и словари, а частично и неоценимая помощь двух прекрасных знатоков этих языков, Юлии Николаевны Русской (специалиста по хантыйскому языку) и Наталии Митрофановны Терещенко (прекрасного специалиста в области самодийских языков, прежде всего ненецкого). Обе эти замечательные женщины, ленинградки, бескорыстно поделились со мной обширными знаниями в области своих языков, редких и очень важных для глубокого понимания, например, венгерского языка. Я, конечно, мог усвоить только крупицу их знаний, но даже знание этой крупицы мне очень помогло. Обеих, к сожалению, уже давно нет, но память о них меня будет вечно сопровождать.

Знакомство с хантыйским (и венгерским) помогло разобраться в мансийском, особенно близком из обско-угорских к венгерскому. Все время, конечно, когда я писал обо всех этих языках, бесконечно проверяя себя по грамматикам, учебникам и словарям, у меня было ощущение ходьбы по зыбкому болоту... На кафедре общего языкознания Ленинградского (теперь уже Санкт-

Петербургского) университета, куда я подал для защиты свою диссертацию, тоже её приняли не без некоторого сомнения: всё же славист, и вдруг пишет о совершенно далёких языках. Где гарантия, что это не какой-то сплошной «бред собачий»? Хотя прямо этого, конечно, мне никто не сказал, но я прекрасно понимал настроение коллег. Я бы и сам на их месте засомневался... И вот при этом, конечно, огромной моральной поддержкой для меня самого и наиболее весомым аргументом для петербургских учёных был письменный отзыв профессора Пауля Алвре из Эстонии (ныне академика финской академии наук). Этот крупнейший финно-угровед в своём отзыве написал примерно так (цитирую по памяти), что он как финно-угровед особенно внимательно отнёсся ко всему тому, что О.Б.Ткаченко пишет о финно-угорских языках и, после тщательного анализа, находит, что все их факты изложены вполне корректно.

Лучшей похвалы своему «слепому полету» я не мог ожидать, и петербургские коллеги после этого тоже вполне серьёзно отнеслись к моей работе: как-никак, отзыв исходил от вполне авторитетного специалиста. Несомненно расположило их в мою пользу и то, что оппонентом работы согласился стать академик Эстонской ССР, профессор Пауль Аристэ, с которым приехал профессор Пауль Алвре и профессор Вальдек Палль (из Эстонии). От тогдашнего Ленинградского университета в ученый совет была введена проф. З.М.Дубровина, написавшая докторскую диссертацию по очень нелегкому вопросу финской грамматики, об инфинитиве финского языка (там это сложнейшая категория: инфинитивов четыре, в каждом не менее двух, а то и больше падежей, с помощью которых передается содержание целых придаточных предложений). Именно эти светила финно-угристики меня и «крестили», и благословили на тернистый путь финно-угроведа, которым я (совершенно неожиданно для себя) стал, да ещё и доктором... И вот, чтобы не выглядеть «самозванцем», я и вынужден теперь параллельно со своей основной работой стремиться изучить (в условиях Киева, вдали от финно-угорских земель) финно-угорские языки, хотя бы часть из них

(причем на старости лет, когда уже и память не та)...

И здесь я подхожу к фатальному для каждого лингвиста вопросу, знанию языков.

Есть два типа их знания. Полиглотизм и более скромное ограниченное, главным образом, теоретическое их знание. Правда, есть и редкое сочетание теоретической глубины и полиглотизма. Очевидно, резкой границы провести между ними нельзя... Но все же постараюсь ее провести, приведя два наиболее разительных примера.

Был классический пример великолепно-го полиглота, кардинал Меццофанти. Говорят, что этот кардинал знал не то 100, не то 150 языков. Русскому языку он научился от Н.В.Гоголя, жившего в то время вместе с кардиналом в Риме. Говорят, что он быстро усваивал несколько слов и непрерывно их повторял: например, «На мне большая белая шляпа», «Я вижу большую белую шляпу», «У меня нет большой белой шляпы» и т.д. Общась с Гоголем в течение двух-трех недель, он довольно сносно научился по-русски говорить и даже на прощание написал ему маленькое стихотворение по-русски. Итак, это настоящее светило полиглотизма, но в мировой лингвистике он не оставил никакого следа, не написал ни одного труда, монографии или хотя бы учебника, где бы осветил свой опыт изучения языков.

Другой пример: Хуго Шухардт – крупнейший австрийский лингвист, один из столпов языковедения. Но на вопрос: «Welche Sprachen kennen sie?» – «Какие языки Вы знаете?» – он скромно ответил: «Ich kenne kaum die eigene» – «Я едва ли знаю свой собственный (язык)», т.е. немецкий.

Правда, Шухардт «преувеличил»: он знал, кроме немецкого, и классические языки, и был знаком с венгерским, и знакомился с баскским... Но значит ли, что в своем ответе он покривил душой? Совсем нет. Ведь еще Вольтер как-то сказал: «Языки Европы в основном так близки друг к другу, что можно без особого труда их изучить и ими пользоваться. Но свой родной язык мы учим всю жизнь, и все же так до конца его и не можем усвоить». Это изречение только с первого взгляда парадоксально. Как и утверждение Шухардта. Да, поверхностно можно усвоить много языков. Но для того,

чтобы усвоить какой-то язык во всем объеме, не хватит и жизни. Каждый из нас усваивает только какой-то кусочек даже родного, своего языка...

Но чтобы познать его во всем объеме, надо, очевидно, быть не меньше, чем Господом Богом. Ведь язык – это вся вселенная. Попробуйте-ка усвоить все термины всех наук, искусств и ремесел, названия всех трав, птиц и всех насекомых. Да никогда. Каждый знает только слова общеразговорного и литературно-книжного языка (причем нередко и их неточно) плюс терминологию и лексику своей специальности (тоже зачастую далеко не в полном объеме)... А кроме того, что значит знать свой язык? Это уметь всё в нем объяснить, но ведь это огромный труд: в языке мы многое употребляем интуитивно, и часто, задай нам иностранец простой вопрос, почему, допустим, в русском принято говорить так, а не иначе, мы станем в тупик и скажем только: «Да, это логично, но почему-то так не говорят...». Но разве это ответ? Например, по-русски говорят: ты очутишься, он очутится, – но вот уже в 1-м лице надо сказать – я окажусь, потому что ни «очучусь», ни «очутюсь» здесь вряд ли «возможны»... А почему так, мы не объясним: разве скажем, что это что-то вроде латинских *verba defectiva* (недостаточных глаголов)... Часто поэтому нас поражают дети своей логичностью: ведь они учат язык (как иностранцы) и задают иногда любопытные вопросы, например: «Почему из ружья стреляют, а не пуляют?» или «Почему огромные два колеса с толстой осью посередине, на которую наматывают проволоку, называют катушка, а не катуша? Ведь катушка – это что-то маленькое».

Вот почему уже упоминаемый мною профессор Пауль Аристэ (к сожалению, тоже давно умерший), которого считали полиглотом, высказался о полиглотизме довольно скептически. Сам он в разной степени знал, как считают, 40 языков, но сказал так: «Я скептик в отношении людей, считающихся полиглотидами. Пессимист и скептик потому, что знания многих языков у одного человека все же ограничены. Когда речь идет об усвоении многих языков при ограниченности извилин коры головного мозга,

то усвоение этих языков не может быть настолько глубоким, как когда речь идет об одном или двух-трех языках». И академик чистосердечно (и вполне самокритично) признаётся, что даже в отношении тех четырёх языков, в которых он сам считал себя наиболее сильным, в эстонском, финском, немецком и шведском, у него нередко бывали «проколы». Немцы поразились его беглой немецкой речью, но нередко спрашивали, из какой он местности родом. Финны считали его финский язык несколько архаичным (или искусственным): дело в том, что финский разговорный язык, действительно, нередко сильно отличается от литературно-книжного. Что-то не устраивало и шведов. И даже в эстонском языке (родном языке академика), к его большому огорчению как носителя литературного языка, при фонетической записи были замечены явные восточно-эстонские диалектные черты... а что уж говорить о простых смертных, когда такие оплошности встречаются у лингвистов с мировым именем?

И вот ещё пример другого полиглота. К сожалению, запомнил его имя и отчество (и даже инициалы). Речь идет о профессоре Зализняке (из Москвы)*. Мне рассказывали, что он довольно быстро усвоил арабский язык (но, видимо, так же быстро его и забыл), и поэтому, когда коллеги, памятуя о его знании арабского, хотели его познакомиться и свести для разговора с каким-то арабом, он страшно перепугался и долго старательно прятался от этого араба по каким-то институтским (очевидно, Института языкознания) закоулкам, так как язык – это беспрерывное повторение. Если не говорить или (по крайней мере) постоянно не читать на языке, можно его полностью забыть, даже если когда-то этот язык был собственным родным языком.

Мне как-то запомнился рассказ об одной русской девушке, вышедшей замуж за австрийца и уехавшей с ним в Австрию задолго до 1-ой мировой войны. Очевидно, ей было тогда не меньше, чем 18 лет, но когда в 1945-ом году русские солдаты попали в местность, где она жила, она настолько

основательно забыла русский язык, что не могла с ними разговаривать. Думаю, что ей, во-первых, в течение каких-то 50, а то и больше лет не с кем было говорить по-русски, во-вторых, попав в немецкое окружение, она старалась изо всех сил, чтобы ее не воспринимали как чужую, и поэтому все ее силы ушли не на то, чтобы не забыть русский, а чтобы как можно более совершенно овладеть немецким (и поэтому немецкий язык из нее усиленно «выбивал» русский), и, в-третьих, выйдя замуж за австрийца, она поменяла вероисповедание, стала римо-католичкой, а следовательно, не ходила в русскую церковь, не слышала ни церковнославянского языка, ни проповеди на русском языке, а только латынь и немецкую проповедь, а в-четвертых, она не читала по-русски (может быть, не любила читать, а может быть, сознательно стремясь себя «онемечить»), и вот Вам результат – полное забвение своего языка.

А теперь перейдем к моим языкам. В сущности, от всего их «богатства» осталось очень мало. Почему? Да по той же причине, что и у профессора Зализняка. Я учил их очень много, но теперь, когда речь идет о том, чтобы их не забыть, я должен этим пренебречь. Чтобы их все не забыть, я должен был бы день-деньской только тем и заниматься, что все их повторять и, в конечном счете, или – в лучшем случае – в голове образовалась бы какая-то каша, особенно из родственных языков или – в худшем случае – закончилось бы или инсультом, или инфарктом. Поэтому я вынужден сознательно перестать ими заниматься, то есть постепенно их забывать. Очень жаль, но ничего не поделаешь... Но был ли тогда смысл вообще их учить? Считаю, что был. Всё-таки мои улетучивающиеся знания даром не пропали. Кое-что основное задержалось в голове. Выработалась определенная «хватка», интуитивное умение оперировать разнообразным языковым материалом, умение догадываться по внешнему облику слов, откуда то или иное слово: отсутствие скопления согласных в начале слова, определенная «монотонность» гласных, ударение на конце слова... Ага, тюркское?.. in вместо союза i, že вместо «уже», že вместо «ещё» –

* Биографические данные об Андрее Анатольевиче Зализняке см. в Интернете: <http://hp.iitp.ru/koi/34/3423.htm> – (прим. ред.)

словенский текст?.. И очень часто «попадание в яблочко».

Однако жизнь требует самого жесткого самоограничения, и я вынужден, кроме 1) украинского, 2) русского и 3) мерянского, – который исследую, а не изучаю, – ограничить себя ежедневным изучением 1) венгерского и 2) английского и еженедельным, – чтобы не забыть, – чтением на 3) польском, 4) немецком и 5) эстонском языках¹. В качестве изучаемого нерегулярно я еще оставил эрзянский (эрзя-мордовский) язык. Финским временно бросил заниматься, чтобы не путать его с эстонским. Если бы меня спросили, какой ещё язык я хотел бы изучать, я бы сказал: иврит. И не потому, что я еврей, хотя я, не будучи евреем, а соединением двух стихий, украинской и русской, глубоко уважаю этот народ за его поразительную языковую стойкость... Но, конечно, я не фантазёр. И, отдавая себе отчёт в том, что для меня это абсолютно нереально, ограничился тем, что прочёл в подлиннике и подробно разобрался только в одном тексте на иврите. Это известный псалом 136 (137) «На реках Вавилонских (или: Вавилона) там мы сидели и плакали, вспоминая Сион...». Мне кажется, что именно в этом псалме квинтэссенция еврейской языковой и национальной стойкости, которой так не хватает украинцам, и поэтому стоит именно с этим текстом познакомиться. Что касается остальных языков, то я ещё надеюсь вернуться (если доживу) к финскому (когда-то мечтал прочесть по-фински «Калевалу»)... А также к французскому и эсперанто. Оба эти языка я пока не учу (т.е. не читаю на них), т.к. считаю, что английский с его преизобилием слов романо-латинского происхождения не даст мне полностью забыть ни французский, ни эсперанто, этот самый легко усваиваемый и в то же время такой гармоничный язык.

Мне не хотелось бы объяснять свой выбор. Но все же вкратце попробую объяснить. Украинский язык – родной. Русский

¹ Кстати, эта языковая программа постоянно меняется. Сейчас, например, я вынужден из финно-угорских ограничить себя одним венгерским; так как появилась аспирантка с крымскотатарским, то я вынужден спешно знакомиться с... турецким языком.

и польский – это языки двух самых мощных и, считаю, равновеликих славянских культур. Венгерский, финский, эстонский – языки трёх самых развитых финно-угорских культур. А эрзянский выдающийся русский финно-угровед Д.В.Бубрих (вместе с мокшанским) назвал финно-угорским санскритом. Тот, кто знает, какое огромное значение имеет санскрит для индоевропейистики, поймёт, что значит это сравнение. Кроме того, кое-кто из эрзян меня почти уверил, что поскольку мои русские предки Косолаповы родом из бывшей Рязанской губернии, то скорее всего кто-то из них мог быть связан не с мерянами (меричами), а именно с эрзянами, ведь само название Рязань связывают с бывшим Эрзянь ош «Эрзянский город». Какое-то особое тяготение к эрзянскому языку во мне, возможно, и объясняется этим отдалённым зовом забытых предков.

Собственно, мое увлечение финно-угристикой началось от двух толчков. В детстве я прочитал, в русском переложении для детей, «Калевалу», и этот эпос меня очень к себе привлёк. А второй толчок произошёл во время советско-финской войны. Я тогда прочел в дореволюционном учебнике «Русская история» фразу: «Великорусы произошли от смешения южнорусов с финнами»².

Так как мой дед по матери Яков Иванович Косолапов был типичным великорусом, то я не мог не подумать: «Значит и во мне есть что-то финское». И дальнейшее увлечение финно-угристикой стало для меня как бы поиском своих наиболее глубоких русских корней, особенно для меня важным, потому что я рос на границе двух славянских культур, украинской и русской. Финно-угристика помогла понять своеобразие каждой, с их расхождением в основном по «отцовской» линии. Не будь этой личной заинтересованности, я вряд ли бы пошел по этому сложному пути.

Понимая, что эти финны, слившиеся с русскими (великорусами), исчезли, я задумал было поэму в стиле Лермонтова, которым тогда очень увлекался. Начиналась она с того,

² Несомненная неточность этого утверждения в том, что смешивались с финнами не южнорусы, а севернорусы.

что какой-то «последний из могикан» этих исчезнувших финнов мне (а скорее, герою поэмы) рассказывает о судьбе своего исчезнувшего племени. Действие должно было происходить где-то в Центральной России и почему-то (так мне казалось) у озера Селигер. Поэма начиналась так:

Я эту песню услышал
Не там, где плещет бурный вал,
Где не услышишь крик орлов,
Парящих между облаков...
Мне пел её старик седой,
От старости почти слепой,
Но чудо! Он, когда запел,
На много лет помолодел...

И на этом я и закончил. Ведь я тогда ничего не знал о таинственной Мере. Теперь, однако, когда я сам седой, и «от старости почти слепой», я уже мог бы продолжить поэму... Но вместо неё я написал свою «мерянскую трилогию», заменившую поэму.

Но я не закончил перечисление своих языков. Знание немецкого, английского и французского вполне понятно – это знание трёх самых важных западноевропейских языков. Эсперанто – самый перспективный из так называемых искусственных (а точнее – плановых) языков.

Он интересен по своему строению, сближающему его и с финно-угорскими, и с семитскими, и с китайским языком. А лексическая его основа также симпатична. Это – «третье дыхание латыни», основа лексики латино-романская.

А теперь от этих слишком обширных, может, тоже чем-то интересных языковых воспоминаний и рассказов я перейду к тому, чем хотел закончить. Это – те советы, которые сами собой напрашиваются и из моего личного опыта, и из опыта тех, кто много занимался изучением языков (имея в виду не их исследование, а усвоение).

Изучать языки полезно даже уже для того, чтобы лучше понять и познать свой язык. Кроме того, их изучение развивает гибкость ума, умение смотреть на мир не только «через одни очки». Кто-то сказал: сколько ты знаешь языков, столько раз ты человек*.

Л.В.Щерба, о котором я упоминал, советовал изучить хотя бы два языка и особенно советовал это делать русским. Дело в том, что русский – один из мировых языков, а их носители отличаются нередко «языковой ленью». Раз язык распространён, значит, зачем учить другие языки. В частности, немного «навредил» здесь ещё В.В.Маяковский своим: «Да будь я и негром преклонных годов, и то без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин...». И вот на этой почве, хотите верьте рассказанному, хотите нет... Для меня этот когда-то слышанный рассказ звучит, как анекдот, но говорят, нечто подобное когда-то действительно было... Короче говоря, картина следующая. Где-то в Каире среди прочих иностранцев-туристов была и одна наша генеральша. Заходят в магазин. Генеральша на русском языке что-то энергично говорит и спрашивает, обращаясь к продавцу, тот, естественно, в недоумении молчит, тараща на неё глаза и стараясь уразуметь, чего же требует от него эта симпатичная, непонятная леди... К генеральше тогда обращается сестра-славянка, словачка, понявшая её, и предлагает ей, что она, зная английский, лучше объяснит продавцу, что ей надо... И вдруг слышит в ответ: «Да пошли Вы знаете куда со своим английским... Я с ним говорю на языке великого Ленина...». Видимо, крепко, ещё со школьной скамьи, засела у неё в голове цитата из Маяковского, знакомая всем, кто учился в средней школе (вместе с изречением Ломоносова и одним из «Стихотворений в прозе» Тургенева). Спорю, конечно, нет, что русский язык и прекрасен, и велик, прежде всего потому, что на нём писали и его совершенствовали прекрасные писатели, начиная с того же Ломоносова, Державина и Карамзина, кончая Чеховым и многими другими и великими, и выдающимися писателями, но при этом не следует забывать и о существовании других языков и культур, которые немало дали образцов для тех же русских писателей, совершенствовавших русский язык, как бы состязаясь с ними.

* Приписывается (www.temadnya.ru/interview/28sep2001/599.html) К.Марксу. – Прим. ред. Есть и другое мнение: считают, что эти слова принадлежат Карлу V (1500-1558). – Прим. автора.

И именно поэтому Л.В.Щерба писал, что недостатком носителей русского языка является то, что им не хватает двухязычия. Впрочем, у дворянских русских писателей 18-ого – начала 19-ого века этого двухязычия было предостаточно: все они, как правило, великолепно знали французский язык: как известно, Татьяна Ларина писала Онегину письмо по-французски. Пушкин пишет, что русский текст ее письма – перевод с французского.

В этом отношении украинцы в лучшем положении: они, кроме украинского, знают, как правило, и русский, а те, которые в Западной Украине, часто ещё, кроме того, в Галиции и на Волыни – польский, на Буковине – румынский, в Закарпатье – венгерский, а часто и немецкий (или словацкий). А знание ещё одного языка делает более легким усвоение других языков. Поэтому в Чехии мне говорили, что им больше как переводчики нравились украинцы: у них в чешском языке и лучше произношение и более непринужденный беглый язык, чем у переводчиков-русских.

А что нужно, чтобы добиться успеха в изучении языков?

1) Я уже писал, что надо сразу же поставить перед собой вопрос: какой язык учить и с какой целью это делать?

2) Если взялся за язык, учить его надо, пусть понемногу, но каждый день, повиснуть на нём бульдожьей хваткой и не «отпускать», пока основательно его не выучишь, 15-30 минут каждый день всегда можно найти.

3) Очень важно найти хороший учебник. Быстро его проработать, а затем как можно скорей переходить к чтению.

4) Читать, конечно, можно и надо и специальную литературу, но, очевидно, или вместе с ней, или после неё надо как можно больше читать интересной художественной литературы: там богаче и разнообразнее язык, а интересный сюжет невольно привлечёт и заставит с увлечением читать.

5) Кроме чтения со словарём (которое тоже важно), можно практиковать и так называемое интуитивное чтение (по догадке), а чтобы не слишком «разленился» и правильно понимать слова, стоит восполь-

зоваться ещё проверкой по «противоположному» словарю: читаешь по-немецки – пользуешься не немецко-русским, а русско-немецким словарём, проверяя правильность догадки. Например, встретилось слово Wald, по смыслу текста вроде бы «лес». Так не заглядывай в немецко-русский словарь, а в русско-немецкий... Проверил себя: а как «лес» по-немецки? Der Wald... Прекрасно. Поставил себе мысленно «5» и пошел дальше. Полезно на продвинутой стадии пользоваться также толковыми словарями, где все слова объяснены на языке, который изучаешь, это сильно обогащает знание языка.

6) Я лично избегал и избегаю адаптированных текстов. Лучше были дореволюционные издания, где тексты не адаптировали, а давали в оригинальном виде, но с подробными объяснениями. Конечно, адаптированный текст читать проще, но и неинтересней. Прочёл книгу. Вопрос знакомого: «Какую?». И даже неудобно отвечать, потому что читал не Диккенса, а «по Диккенсу», не Марка Твена, а «по Марку Твену» и т.д. Лучше уж прочесть что-то маленькое, но оригинальное, а потом гордо говорить, что ты в оригинале прочёл какого-то известного английского или американского писателя. И так, естественно, будет и с немецким, и с французским.

7) Советую не читать переводы с русского на иностранные языки. Этот метод, может быть, и полезный, но невероятно скучный. Иностранный язык – это окно в новый неизвестный мир. Но какой мир нам откроет Чехов по-английски или Тургенев по-немецки. Однако это неплохой способ освежить забытый язык: можно читать бегло и почти без словаря.

8) Есть свои секреты и в умении читать. Читать надо не в том порядке, как идут слова. Это себе можно позволить, только хорошо зная язык, или, наверно, на родственном языке (например, русскому польски или поляку по-русски). В незнакомом (неродственном) языке надо прежде всего найти сказуемое (глагол), подлежащее (существительное или местоимение), а потом, когда костяк предложения понят, разбираться уже во второстепенных членах предложения.

9) Очень важно хорошо усвоить грамматику (окончания), а также служебные слова (союзы, предлоги, частицы).

Вот, пожалуй, и всё основное, что хотелось сказать.

Написалось и так много (наверно, слишком много) потому, что язык (и языки) – очень сложная вещь.

Но прежде всего надо помнить, что язык – это средство познания культуры. Чем богаче культура, тем и интересней, и важней язык, на котором она создана.

И ещё одно. С какого иностранного языка начинать? Если речь идет о трёх основных европейских, то раньше начинали с немецкого и французского, а заканчивали английским. Лексически английский связан и с тем, и с другим, и тот, кто знает эти оба языка, без особого труда усвоит английский. Сложность будет только с произношением. Но теперь во главу угла поставлен английский. Значит, с него есть смысл и начинать. Однако при этом надо помнить, что начинаешь с самого лёгкого. Грамматически, пожалуй, и французский, а особенно немецкий гораздо сложнее. Л.В.Щерба советовал изучить как минимум два иностранных языка. Вот и выбирайте, какой язык для Вас наиболее важен (наряду с английским), пусть он и во много раз труднее английского. И ещё о так называемой красоте языков, понятии очень субъективном.

Студентам я это популярно объяснял так. Во французском есть сила красоты. А в немецком и английском присутствует красота силы. Это в чём-то как сравнение двух тел, женского и мужского. В женском нас пленит грация, нежность, мягкость, т.е. красота, и в этой красоте сила женщины. Она этим побеждает и бросает к своим ногам самого мощного мужчину. Но есть и красота в силе мужского тела. Разве по-своему не прекрасно тело борца, атлета, боксёра своими мускулами, гармоничностью телосложения, его упругостью?

Итальянский, французский, румынский – это сыновья золотой латыни, жёсткого и мужественного языка, в котором слышится чеканный шаг римских легионов, но который под пером Катулла, Овидия и Горация оказался способным нас очаровать и своей нежностью, – в романских языках много

женского очарования. Много мягкости, нежности, звонкости, хотя временами, когда надо, в них слышится и торжественная бронза латыни (например, терцины Данте).

Немецкий и английский – это языки воинов, сухопутных или морских. В них много упругости и мускулистости. Но когда надо, и они не лишены нежности.

Например, когда читаешь песню рыбака из «Вильгельма Телля» Ф.Шиллера, то этот стих прямо-таки ласкает ухо (значит, всё дело в мастерстве поэта):

*Es lächelt der See, er ladet zum Bade.
Der Knabe schlief ein am grünen
Gestade...*

Подстрочный (почти буквальный) перевод:
*Улыбается озеро, оно приглашает (зовёт)
купаться (к купанью).*

Мальчик уснул у зелёного берега...

Русский перевод Тютчева, напротив, просто рычит:

*С озера веет прохлада и нега,
Отрок уснул, убаюкан у брега...*

У Шиллера слышится плеск волны, у Тютчева слышим, как сильно тарыхтят прибрежные камешки, оркестровка совсем нет. (А ведь Тютчев – прекрасный поэт и превосходно знал немецкий язык).

А в общем, каждый язык по-своему неповторим и прекрасен. Необходимо только мастерство писателя, которое скрасит шероховатости, неизбежные в каждом языке, и покажет в нём только прекрасное...

Но правы и те, которые говорят, что дороже всего каждому человеку и милее всего родной язык: «Каждый кулик свое болото хвалит».

Мой разговор, как и тема, не имеет конца. Поэтому я его лучше закончу не точкой, а многоточием... (У кого есть за душой, что к этому добавить, пусть продолжит и закончит эту песню о языке и языках).

У А.Мицкевича поэма «Конрад Валленрод», начало которой, «Вступление», перевел Пушкин (друживший с Мицкевичем), заканчивается словами:

*Taka pieśń moja o Aldony losach.
Niechaj ją anioł harmonii w
niebiosach,
A czuły słuchacz w duszy swej
dośpiewa.*

(Такова (такая) песня моя о Альдону судьбах. (*Альдона – героиня поэмы*). Пусть её ангел гармонии в небесах, а чуткий слушатель в душе своей допоёт).

Именно это я имел в виду, пища (как бы сказал Л.Толстой) о недопетой песне.

Написано было вроде бы предостаточно, но многие, тем не менее, обвинят меня в том, что я ушёл от прямого ответа, какие же языки я всё же знаю и в какой степени.

Постараюсь ответить как можно точнее. Практически я владею 4-мя языками:

- 1) украинский;
- 2) русский;
- 3) польский;
- 4) немецкий.

Первые два в постоянной работе, а вторыми двумя хуже: их постоянно приходится поддерживать, т.е. стараться на них читать (за неимением среды), правда, при случае я могу на них довольно свободно говорить. На польском, понятно, лучше, на немецком хуже. Плохо воспринимаю быстрю и слишком «разговорную» немецкую речь, ведь там масса своих слов и выражений типа русских «доходяга», «его ушли» и прочего, которое почти не встречается в словарях (есть, правда, хороший словарь разговорного немецкого языка Девкина, но ведь немецкий идет в своем развитии семимильными шагами и за ним не угонишься).

Довольно свободно я читаю по-французски, т.е. могу читать даже без словаря и в основном понимать почти любые современные тексты.

С английским хуже: довольно ещё много для меня непонятных слов и особенно выражений. Кроме того, очень часто я понимаю (глазами) великолепно английское предложение, но устно воспроизвести не решаюсь, приходится заглядывать в фонетический словарь Джоунза. И пожалуй единственный иностранный язык, которым бы я сейчас мог овладеть активно, – это эсперанто.

Я даже на нём написал маленькое стихотворение типа японского хокку (или хайку):

<i>Melankolía</i>	<i>Печальная</i>
<i>Sonóras melodío,</i>	<i>Звонит мелодия,</i>
<i>En kóro plóras.</i>	<i>В сердце плачет.</i>

По-французски я не говорю (я даже не ставлю такой цели, тем более являясь в прошлом, как беспартийный, невъездным «в капиталистические страны»), но я, как уже написал, довольно свободно на нем читаю. Когда-то, например, болея, я от нечего делать захотел прочесть роман Стендаля «Люсьен Левен» (иногда его, кажется, еще называют «Белое и чёрное»). Копаться в словарях было сложно, и я его читал без словаря, в основном хорошо понимая (за исключением выражений финансовой терминологии, которые и по-русски плохо понимаю).

Ещё неплохо понимал (и даже пробовал на них говорить) чешский и белорусский (лучше белорусский, хуже чешский).

Писал (со словарями) по-чешски, по-словацки и по-верхнелужицки. Довольно много читал по-болгарски (например, роман Ивана Вазова «Под игото» («Под игом»)). Когда-то мне надо было написать письмо по-македонски, поднатужился и написал, и получил по-македонски ответ (значит, меня поняли). Немного учился латинскому и греческому (первому, конечно, больше). Изучал литовский и особенно много латышский. На обоих языках, – с трудом, особенно по-литовски, – но переписывался. Латышский у лингвистов считается менее важным, но мне он нравится больше: на нём писали прекрасные писатели: Ян(ис) Райнис, Андрей Упит, Андрей Пумпур, Вилис Лацис, Александр Чак. Их я больше читал в русских переводах, но стихи Райниса и Чака читал и по-латышски. Из финно-угорских языков я больше всего занимался эстонским, венгерским, эрзянским, меньше финским. Но говорить пробовал только по-венгерски. (Из трёх самых распространённых финно-угорских языков это самый простой и логичный, хотя, конечно, его простота весьма относительна, сложнее финский, а эстонский самый трудный). Однако с эстонскими знакомыми я переписывался только по-эстонски (вооружаешься словарями и грамматикой и пишешь). Потом уже запоминаешь наиболее ходкие слова и выражения. Писал лингвистам и иногда даже удостоивался похвалы. Значит, писал довольно грамотно, хоть, конечно, примитивно. По-фински написал только одно письмо в Карелию. По-эрзянски писал маленькие поздравительные письма, а однажды даже

набрался смелости и написал что-то вроде стихотворения-здравницы своему корреспонденту по переписке, известному эрзянскому писателю Кузьме Григорьевичу Абрамову (в стиле эрзянского фольклора). Однажды очень хотел получить из Тбилиси самоучитель грузинского языка и написал в Тбилиси письмо по-грузински, не уверен, всё ли было там правильно. Но меня поняли, книгу прислали и поблагодарили по-русски. В школьные годы я «расшифровал» для себя грузинский алфавит и потом часто его использовал как... тайнопись... Чем бы ещё «похвастаться»? Часто заглядывал в китайские грамматики, меньше в японские, но меня отпугнула иероглифика. Правда, зачин китайской сказки я прочитал в иероглифическом написании (Вы его встретите в первой мерянской книге) в «Русско-китайском словаре» (изданном в Шанхае). Правда, попотеть пришлось изрядно, наверно, час или полтора, пока я постиг эту китайскую грамоту. Из германских языков, кроме немецкого и английского, немного читал по-датски, по-нидерландски и на идиш. Этот любопытный язык меня заинтересовал, потому что в свое время мой дедушка Яков Иванович Косолапов приютил в своём доме во время 1-ой мировой войны евреев-беженцев из местечка Сморгони (в Западной Белоруссии), потом в нашем дворе они даже преобладали. Я с детства наблюдал их жизнь, обычаи, слышал временами этот язык, несколько похожий на немецкий, но с большим количеством ивритизмов. Потом, когда я уехал из Харькова, мне даже будто чего-то стало не хватать. Натолкнувшись как-то на произведения Шолом-Алейхема в русских и украинских переводах, я с большим интересом стал их читать и понял, что, в сущности, я в Харькове уже жил бок о бок с его героями. Тонкий и своеобразный юмор этого писателя (смех сквозь слезы или «слепой дождь», пронизанный солнечными лучами) был мне очень симпатичен, и мне очень захотелось хоть что-то прочесть в оригинале. С интересом (с грехом пополам) прочёл его, – один из самых любимых моих, – рассказов «Majn eršter roman» («Мой первый роман»).

Пробовал заниматься ирландским (гаэльским) языком и даже переписал одну маленькую ирландскую сагу, но испугав-

шись сложности (фонетической) этого языка, где слишком «распоясалась» фонетика, так за ирландский и не засел, хотя до сих пор очень люблю читать о грамматиках и словах кельтских языков (и даже писал о галльском субстрате французского).

Из романских языков больше всего меня привлекли французский, итальянский (очень хотелось на нем петь прекрасные итальянские песни и арии) и румынский (я буквально влюблён в румынского классика, поэта Михаила Эминеску, великолепного мастера звукописи, – Бродский одно из его стихотворений «Eu am un singur dor» – «Я имею одно единственное желание» перевёл в шести вариантах, желая передать его оркестровку). Немножко «лизнул» (или «нюхнул») турецкий, татарский, чувашский и якутский (тюркские языки). Немного читал об албанском. Очень долго мечтал познакомиться с армянским (одну фразу, начало армянской сказки, написанной Ованесом Туманяном, можно у меня встретить). Но дальше нескольких, правда, очень живописных армянских слов и выражений «джур» – «вода», «крунк» – «журавль», «цицернак» – «ласточка», «Барев цез!» – «Будь здоров!», которые встречаются и в русских переводах, я, к сожалению, почти не пошёл. Между прочим, причиной было и армянское письмо, гораздо более сложное, чем грузинское. Но навсегда запомнились прекрасные армянские поэты (в великолепных русских переводах В.Брюсова и А.Блока). Хотя бы эти потрясающие слова простенького стихотворения Туманяна:

В сновиденье мне овцой
Задан был вопрос такой:
«Бог детей твоих храни!
Как на вкус младенец мой?»

В них вся трагедия армянского геноцида. Нет, будь у меня хоть немного времени, я хотя бы это стихотворение заучил на память по-армянски.

Пробовал учить немного арабский и даже почти «прочёл» учебник для начального обучения Сегалю, но, убоявшись насмешек нашей учительницы по поводу того, что я слишком часто «сую» во все слова пресловутый арабский айн, напоминающий звук, издаваемый иногда горлом молодого верблюда, я прекратил свои занятия; араб-

скую вязь помню тоже плохо, хотя иногда мне удается до сих пор довольно сносно произнести слова му^саллим(ун) «учитель» и му^саллима(ун) «учительница». Впрочем, арабский язык как язык Корана меня заинтересовал меньше, чем основной язык Библии (Ветхого Завета), иврит, – читая на нем, я понял, как ученики хедефов (еврейских религиозных школ) выучивали на этом языке целые страницы. Дело в том, что Ветхий Завет (на иврите сокращенно Та На Х-Тора (Закон) – Нэвиим (Пророки) – Кэтувим (Писания)) – книга глубоко поэтическая и часто даже написанная своеобразной ритмической прозой, в сущности «белыми стихами», то есть только без рифм (в отличие от Корана, написанного рифмованной прозой). Поэтому слова, даже поначалу непонятные, сами собой ложатся в голову. Но, конечно, иврит очень сложный язык, к тому же с довольно ещё сложной системой письма, правда, более чёткой, чем арабская вязь (которая зато хороша как стенография и красива как арабские изречения из Корана, которые арабы ввиду запрета (как и у евреев) рисовать превращали в настоящую живопись).

Из других языков я еще интересовался индонезийским, арамейским (еще один семитский язык), палеоазиатскими (в частности, эскимосским). Иберийско-кавказские языки я тоже немного «нюхнул» или «лизнул» (дошел даже до убыхского). Читая «Гайявату» (в русском переводе Бунина), невольно запоминал ирокезские слова: наверно, многим они помнятся: «цапля серая, шух-шуга», «вампум» и другие. Немного сталкивался и с монгольскими языками, (халха) монгольским и калмыцким. Фарси (персидским) не занимался, возможно, и из-за сложности письма, но пробовал знакомиться с таджикским, ближайшим родственником фарси (есть фарси-теграни, фарси-тоджики и фарси-кабули, или дари). Всё это разнообразности первоначально одного языка, фарси (по-арабски), или персидского.

Ещё интересовался испанским и португальским, а в сущности, и всеми романскими языками (включая провансальский, сардинский и каталанский): одно время у меня был замысел писать об украинском обороте «Як ся маеш?» – «Как поживаешь?»,

который, оказывается, через польский, чешский и словацкий (есть и в словенском Какo se imaš?), по-видимому, восходит к паннонской латыни... И тогда я усиленно «шуровал» по всем романским языкам, вплоть до итальянских диалектов (почти языков). Румынских лингвистов, как-то бывших в Италии, многие «рядовые» итальянцы нередко даже спрашивали: «На каком итальянском диалекте вы говорите?». Многие итальянские диалекты далеко отошли от литературного языка. Поэтому даже румынский язык воспринимался как один из них.

Как видите, значительную часть своей жизни я занимался разбрасыванием камней, а теперь пришла пора их собирать и очень умерять свои языковые «аппетиты». Да, я ещё чуть не забыл сказать, что, в сущности, я занимался всеми славянскими языками, которые даже не упомянул, вплоть до двух мёртвых, старославянского (древнего болгаро-македонского) и полабского, славянского языка, вымершего в Германии в конце 17 – начале 18 века... Почему-то, однако, я мало внимания уделил санскриту (древнеиндийскому, одним из сыновей которого является цыганский). Несмотря на то, что сейчас есть определенная «мода» на всё индийское... А может быть, именно поэтому? Меня невольно отталкивает эффект «Панургова стада».

Но, между прочим, никакой особой заслуги в этом «многоязычии» я не вижу. Ведь я мчался «галопом по Европам», и поэтому мои знания преимущественно очень поверхностны. Выработана просто особая ловкость рук, а точнее – мозга, способного теперь справляться со многими языковыми фактами... Но всё это суета сует и всяческая суета... И поэтому я искренне и по-хорошему завидую тем языковедам, которые знают, кроме своего, один-два-три языка, но зато хорошо и глубоко, в сочетании с глубоким знанием духовной культуры народа, его фольклора, литературы, обычаев. Ведь язык – это прежде всего культура, правда, словесная, но зато всеобъемлющая. И поэтому все эти хватания многого, но в минимальных размерах, напоминают не то поедание манной каши в раннем детстве, не то долбёжку музыкальных гамм и экзерцисов. Только совершен-

ное владение языком во всех его сокровенных глубинах и тонкостях даёт истинное наслаждение, как когда Вы едите уже не одну манную кашу, а весь спектр разнообразных блюд, и уже не «долбите» гаммы, а имеете счастье играть ту же «Лунную сонату» Бетховена или фортепьянные шедевры Шопена, песню Сольвейг Грига или «Неоконченную симфонию» Шуберта (в фортепьянном переложении, допустим)...

Кстати, я очень рад, что не научился играть ни на одном музыкальном инструменте, так как весь мой музыкальный заряд ушёл... в стихи (ведь стихи – это тоже музыка, только растворённая в словах). Мой отец был замечательным музыкантом-пианистом, хотя и любителем, но он рано выпал из моей жизни.

И вот вся моя музыкальная стихия ушла... в украинские стихи, которые я «рассудку вопреки, наперекор стихиям» пишу под фамилией Косолапов. А своей экзотической (мерянистической) русистикой занимаюсь (и печатаюсь) под фамилией Ткаченко. А получилось так отчасти потому, что один известный украинский писатель³, которому я понёс свои стихи, в общем их одобрил и посоветовал писать дальше, но по поводу одного стихотворения заметил, что, хотя оно написано по-украински и на безупречном языке, но один образ там чисто русский... И вот тут-то я и решил, что мне удобней, наверное, писать под русской фамилией: «Что, мол, с этого «русак» возьмёшь: ведь Косолапов, так и видна косая русская лапа, хоть и не по-русски написано, а по-украински, а всё же что-то чувствуется русское»⁴... Так (сохраняя все пропорции) в своё время и о Гоголе говорили. Даже Белинский писал примерно так: «Хотя этот писатель писал всё время по-русски, мы никак не могли взять в толк,

³ Б.Д. Антоненко-Давидович.

⁴ Была и другая, более веская причина: род Косолаповых угас, и мне хотелось, чтобы хоть благодаря этому псевдониму он не угас беспамятно. Именно по причине его угасания мой дядя Василий Яковлевич Косолапов (отец двух дочерей) просил мою мать поменять мою фамилию Ткаченко на Косолапов (тем более, что мать была в разводе с моим отцом), но мать не согласилась. Своим псевдонимом я как бы выполняю эту просьбу.

то ли это русский писатель, то ли украинский, пишущий по-русски»... Мне кажется, что, напротив, именно на пересечении двух культур может появиться временами что-то интересное, и поэтому не следует особенно бояться, когда в ту или иную литературу привносится что-то новое, необычное. Это может её обогатить. Чрезмерное обилие «иноземцев» в литературе может, конечно, её расшатать, лишить самобытности, но плохо и когда у неё нет контактов с другими культурами. Лучшие украинские писатели, оставаясь национальными, стремились расширить горизонты литературы. Уже у Шевченко есть и Кавказ, и средневековая Чехия, и Древний Рим на пороге нового времени (с христианством)...

Ещё больше этой широты у его последователей, Ивана Франко и Леси Украинки. А впрочем, я сейчас стыжусь кому-то признаться, что я окончил когда-то украинское отделение филологического факультета. Мы там изучали часто писателей совершенно ничтожных как мастеров языка и высокой духовной культуры, но зато вполне «идеологически выдержанных», а о великолепных первоклассных писателях, которые только из-за неблагоприятной политической конъюнктуры не стали лауреатами Нобелевской премии, говорили вскользь (если вообще их называли). «Буржуазный националист» – и на этом точка. И целые массивы, пласты этой литературы, так называемого «расстрелянного Возрождения», и эмигрантской, и диаспорной литературы (писатели Пражской школы, Нью-Йоркской школы) совершенно выпали из нашего поля зрения. Даже общепризнанные классики, которых уж никак нельзя было выбросить, выколачивались. В общем, получилось как в двух крыловских баснях: в первой, где некто «угощает» своего друга концертом хора из безобразных голосов, но зато, говорит, не пьют (и баснописец замечает: «Пей, да дело разумеи!»), и во второй, где некто морщится и кричит, бреясь тупой бритвой (и опять резюме: «Людей с умом бояться и терпят при себе охотно дураков», о которых зато не обрежешься)...

И вот теперь «на старости лет» мне ещё приходится ликвидировать немалые пробелы в своём образовании как украин-

ниста, чтобы не стыдно было молодёжи в глаза смотреть.

А общий итог такой: век живи, век учишься, а всё равно дураком помрёшь. Мудрые латиняне на сей счёт придумали два афоризма: «Ars longa, vita brevis est» («Искусство (т.е. и наука в широком понимании) долго, жизнь (же) коротка») и второй – «Poëta semper tiro» («Поэт всегда новичок»).

И ещё две важные сентенции, если я уж начал потчевать латынью (это уже относится к изучению языков): первая (многим известная) «Repetio est mater studiorum» («Повторение – мать учения») и вторая (менее известная, но очень полезная):

Gúttá cavát lapidém non vi, sed saépe cadéndo.

Sic vir fit doctús non vi, sed saépe studéndo.

«Капля долбит камень не силой, а частотой паденья.

Так муж (то есть человек) становится учёным не силой, а частотой ученья».

Т.е. в учении языкам не должно быть никакой «штурмовщины», изучайте язык без всякого лишнего напора, понемногу, но систематично и постоянно, то есть ежедневно, и результат в конечном счёте скажется.

Правда, бывают случаи, когда людям надо экстренно ехать за границу, и их тогда обучают языку по особой методике интенсивного обучения. Но даже и в этих случаях очень полезно закреплять достигнутое тем же способом, т.е. постоянным чтением и/или, если есть такая возможность, систематически разговаривать с иностранцем на его (нужном Вам) языке.

Говорят, что полезно ещё, особенно если хочешь научиться хорошо понимать данную речь, слушать радио, телевидение на иностранном языке, пластинки с записью иностранных текстов. Я сам этим не пользовался потому, что и не было такой возможности (нельзя было никуда особенно ехать, да и времени на поездки не было, и откровенно говоря, я очень оседлый человек, и меня особенно не тянет шататься по свету). Однако, думаю, что все эти способы и хороши, и полезны.

Одно время, например, я руководил работой аспирантки-полонистки. В официальной обстановке и обсуждая конкретно текст

её диссертации, написанный по-украински, мы разговаривали о нём по-украински, но в личном общении прибегали, как правило, к польскому языку. И теперь мне, конечно, очень не хватает польского языка.

Было время, когда у нас с женой были немецкие дни, но потом они, к сожалению, постепенно выпали из жизни. Всё же жизнь сейчас сверхнапряжённая, а разговор на иностранном языке требует ещё большего напряжения. Теперь наш немецкий язык сводится к тому, что я ей читаю (на память) стихи Гейне, Гёте, Шиллера или Рильке или вспоминаем какие-то отрывки из немецких новелл или романов и обсуждаем тонкости языка и стиля, – например: почему Гёте употребил неопределённый артикль в стихотворении «März» («Март»): «Es ist ein Schnee gefallen...» «Выпал (какой-то, единственный в своём роде, может быть, потому что редкий весной) снег»...

И ещё немного о моём украинском. Пока я жил в Украине, я как-то не ощущал особого значения для себя украинского языка. Говорил я тогда по-русски, хотя на уроках украинского языка отвечал по-украински, пел украинские песни, много по-украински читал... Но когда попал в Россию, и украинский язык полностью исчез, я его нигде не слышал, в библиотеке не мог взять книгу на украинском языке, мне как-то всё более катастрофически стало не хватать украинского языка. С русским языком никогда ничего подобного не происходило. И это позволило мне осознать, что я украинец не только по паспорту, но и в душе. А так как я тогда очень плохо знал язык, который стал осознавать как родной, то я и пошёл на украинское отделение филологического факультета, а перед тем стал писать по-украински дневник и, наконец, даже стихи.

Впрочем, сейчас мне очень стыдно признаваться, что я был и являюсь украинистом: нас тогда... Но я об этом уже писал.

Итак, мой языковой путь и сложен, и непрост... Но я сам его выбрал, и мне не на кого пенять: «Охота – пуще неволи». Вот она-то и заставляет меня тянуть «воз и маленькую тележку» своих языков. Только любовь, о которой когда-то по латыни было сказано: «Ómnia víncet amór...» («Всё по-

беждает любовь...»), и больше ничто заставляет меня каждое утро вместе с небольшой утренней гимнастикой заниматься «умственной гимнастикой», читать на своих языках, что сперва требует большого напряжения воли, а потом становится привычкой.

В этом есть, конечно, своя доля одержимости, но ведь недаром же Адам Мицкевич в своей «Оде к молодости» употребил парадоксальное (только на первый взгляд) словосочетание *rozumni szałem* – «разумные безумием» (о молодёжи)... А когда опускаются руки и становится слишком тяжело тащить свою поклажу, я хлещу себя как бичом «колючими» латышскими словами из известного стихотворения Ян(ис)а Райниса:

Pirmais un pēdējais vārds
(Первое и последнее слово)

Mans vārds ir viens, viņš liksies
skarbs;

Kad gars tev ir kūtris un saīdzis,
Kad pats sev par nastu tu palicis,
Viens vienīgs tad ir līdzeklis:
Darbs.

Моё слово (есть) одно,
Оно покажется суровым;
Когда дух у тебя (есть) вял и угрюм,
Когда сам себе в тягость ты стал,
Одно единственное тогда есть сред-
ство:

Труд.

В настоящее время я заканчиваю свой 79-й год*. Одна цыганка мне предсказала, что проживу 86 лет. Хоть верить этому можно только отчасти, всё же полагаю, что если и была здесь ошибка, то скорее в сторону преувеличения, а не преуменьшения. Значит, рассчитывать можно не больше, чем на 6-7 лет. Значит, уже пора подводить итоги и закругляться. Языков учено немало, и кое-что из этого учения останется в голове. Рассчитывать же надо на те, которыми уже владеешь и применяешь ежедневно практически, на те, которые изучаешь научно, на те, которые особенно нужны практически, но которые знаешь ещё недостаточно и поэтому их надо учить, и на те,

* Написано в письме от 22.09.2004 г. – прим. ред.

которые надо не забыть. В целом получает-ся 7 языков:

I. 1) украинский; 2) русский (те языки, которые знаю и которые всегда «в работе»);

II. 1) мерянский язык (изучаемый и реконструируемый научно);

III. 1) венгерский язык; 2) английский язык (учу, т.е. главным образом читаю на них, ежедневно);

IV. 1) немецкий язык; 2) польский язык (читаю на них раз в неделю).

Остаются неучеными (т.е. нечитаемыми) остальные финно-угорские, которыми занимался (эстонский, эрзя-мордовский) и, в сущности, романские (французский и эсперанто). Конечно, это известная потеря, но другого выхода у меня нет. Если я буду «распыляться», я, не усвоив и их, помешаю своему овладению венгерским языком и английским также. Но, с другой стороны, хорошо овладев венгерским, я лучше пойму специфику других финно-угорских языков: ведь я буду смотреть на них не через славянские, а через венгерские очки, т.е. стану гораздо ближе к ним. А английский язык, в котором масса слов французского и латинского происхождения, не даст мне полностью забыть ни французский, ни эсперанто. Если бы Бог мне отпустил ещё немного лет, я, овладев указанными языками, ещё бы мог вернуться к временно забываемым языкам. Если этого не будет, удовольствуюсь тем, что более или менее реально, – этого и так достаточно: «лучше меньше, да лучше», а не «больше, да хуже».

Думаю, что и этой программы вполне достаточно на оставшееся время, тем более что я хоть и пенсионер, но работающий, которому надо выполнять и плановую работу, и свою собственную, да и не только писать, но и «пробивать» для печати написанное, что во много раз труднее. А для всего этого надо много сил. Это не значит, конечно, что другие языки, кроме указанных, совсем выпадут из поля зрения. Если потребуются для работы, я и их буду привлекать. Это значит лишь, что это будет только от случая к случаю, систематически я этими языками заниматься не буду.

Всё это я написал, исходя из своего опыта. Буду рад, если кто-нибудь почерпнёт из него что-то полезное для себя.

Совсем «под занавес» мне хотелось бы сравнить полиглота-любителя (это своеобразный «спорт») и теоретика-лингвиста.

Говорят, есть такие фокусники. Они могут, даже если им напишут большие цифры от потолка до пола, мгновенно их складывать, но в вопросах теоретической математики они полные профаны. И теперь их поразительный труд свободно заменяют калькуляторы. Кстати, поэтому теперь люди постепенно разучиваются считать устно.

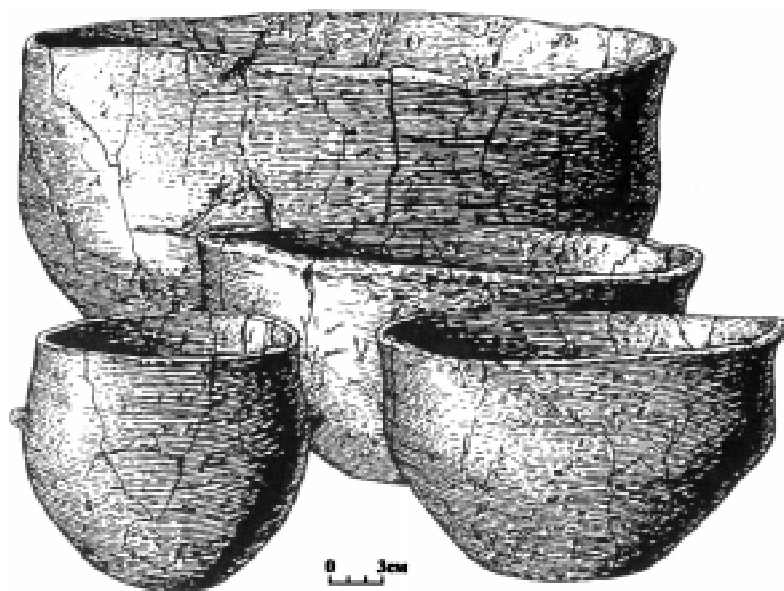
А есть специалисты в области высшей математики, неспособные к подобным мыслительным операциям-фокусам, но зато открывающие фундаментальные и чрезвычайно важные математические законы.

Примерно подобное сравнение можно привести в отношении полиглотов и практических знатоков ряда языков в сопоставлении с лингвистами-теоретиками. Способности первых сугубо индивидуальны. Лингвист-теоретик, напротив, написав свой труд, может чему-то научить миллионы (с помощью словарей, грамматик, монографий, на основании которых напишут учебники). Правда, и опыт полиглотов поучителен, но, возможно, для этого нужны специфические (сугубо индивидуальные) способности. Или нужна особая методика, но, видимо, и в методиках нужен учёт индивидуальных черт человека. Я, например, никогда не прибегал к переводным с русского произведениям (разве для освежения забытого), а вот один из моих знакомых, испанист, рассказывал, что когда он изучал испанский язык, почти не было хороших словарей, и он изу-

чал испанский язык, читая испанский перевод известной повести Б.Полевого «Повесть о настоящем человеке» (по-испански «El hombre de verdad»), а потом читал «Дон Кихота» с параллельным русским переводом. Что же? Может быть, в случае нужды и этот метод хорош. Ещё советую многократно прочитать одну книгу. Да так, чтобы уже читать её как на родном языке... Скучновато, но зато уже следующие книги пойдут во много раз легче. Кстати, припоминаю, что в детстве я подобным образом читал некоторые особенно любимые книги. Может быть, и в связи с тем, что русский язык, основной язык моего детства, я знал тогда недостаточно. Например, только перечитывая многократно Пушкина, я стал хорошо понимать многие церковно- или старославянские слова, которых у него немало: например, ланиты – щёки, вежды – ресницы, перси – груди, выя – шея, рамена – плечи, чресла – бёдра, лядвии – ляжки, персты – пальцы и многое другое. Немало подобных слов, например, и у Жуковского в его переводе «Одиссеи». В современном русском поэтическом языке они совсем или почти не встречаются, но чем дальше от современности, тем их больше.

А вообще любой язык – это неисчерпаемый океан, охватить который невозможно. Я же так много об этом написал потому, что в этом вся моя жизнь. И как бы много я об этом ни писал, всё равно я бы не исчерпал этой темы.

О.Ткаченко

Керамика из Поповского городища VII-IX вв.
[Археология Костромского края. Кострома, 1997, с. 125]

БИОГРАФИЯ

Ткаченко Орест Борисович, украинец, родился в Харькове 10 декабря 1925 г. Родители – отец, Ткаченко Борис Данилович, языковед-украинист и переводчик художественной литературы на украинский язык с западноевропейских и русского языков (расстрелянный 23 декабря 1937 г. и посмертно реабилитированный), и мать, Ткаченко (до замужества – Косолапова) Ольга Яковлевна, с незаконченным высшим филологическим образованием, работавшая стенографисткой в научных учреждениях Харькова – развелись в 1927 году. В 1935 г. мать вторично вышла замуж за Ленского Владимира Николаевича, инженера-монтажника (от него брат Ленский Александр Владимирович, 1937 года рождения, физик по специальности).

Вследствие частых переездов родителей, связанных со спецификой работы отца, вынужден был учиться в разных (восьми) школах. Учился в школе с русским языком преподавания с 1935 по 1945 год, поступив в среднюю школу в Харькове. С 1941 по 1943 год находился с родителями и братом в эвакуации в Свердловской области, в поселках Реж и Нейво-Рудянка. 1 января 1943 г. проходил призывную комиссию при Невьянском РВК Свердловской области, которой был признан негодным к военной службе (по причине плохого зрения).

При возвращении из эвакуации, потеряв много времени и отстав в учёбе, пошёл на производство. Работал на восстановлении Каменского (Ростовской области) химического комбината такелажником и слесарем-трубопроводчиком с марта по август 1944 года. С сентября 1944 года возобновил учебу и летом 1945 года закончил 10 класс Каменской средней школы. Осенью того же года поступил на украин-

ское отделение филологического факультета Харьковского университета, где проучился до осени 1947 года.

Осенью 1947 года в связи с переездом родителей из Каменска в Киев перевелся на то же отделение и факультет Киевского университета, который закончил в 1950 году. Во время учёбы проявил интерес к славянской филологии (польскому языку, изученному самостоятельно с помощью учебной и художественной литературы). Принимал участие в работе студенческого научного кружка славянской филологии, где выступил с докладом «Стиль и язык поэмы Адама Мицкевича «Гражина»» (на польском языке). Дипломная работа «Стиль и язык украинского перевода повести Ванды Василевской «Райдуга» («Радуга») («Тесза»)» была также во многом связана с проблематикой польского языка. В связи с этим был рекомендован в аспирантуру по специальности «славянские языки» при Институте языковедения НАН Украины (тогда

- АН УССР), научный руководитель акад. Л.А.Булаховский.

В аспирантуре, помимо экзамена по польскому языку как основному, изучил и сдал экзамен как по второму по чешскому языку, важному при изучении истории польского.

По окончании срока обучения в аспирантуре в 1953 году принят на работу в Институт языковедения в должности младшего научного сотрудника отдела общего и славянского языкознания. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию «Очерк истории изъяснительных союзов в польском литературном языке (на материале произведений второй половины XVI века «Zwierciadło» («Зерцало») Н.Рея, «Kronika polska Marcina Bielskiego» («Польская хроника Мартина Бельского») И.Бельского, «Kazania sejmowe» («Сеймовые проповеди») П.Скарги). В том же году женился на Ларисе Ивановне Прокоповой, от которой два сына: Алексей, филолог, специалист по французскому языку, 1956 года рождения, и Андрей, медик, 1964 года рождения. Л.И.Проконова - филолог-германист (немецкий язык) и специалист по общему языкознанию (экспериментальная фонетика), доктор филологических наук, профессор (Киевский национальный университет и ряд других высших учебных заведений Киева).

С 1953 г. по настоящее время О.Б.Ткаченко работает в Институте языковедения им. А.А.Потебни НАН Украины, сперва младшим, а с 1959 г. старшим научным сотрудником, вначале как славист, а позже как специалист по общему языкознанию. В качестве слависта ознакомился со всеми славянскими языками, особое внимание уделив, помимо упомянутых, белорусскому, словацкому, верхнелужицкому, нижнелужицкому, болгарскому. Как филолог-языковед и в особенности специалист по общему языкознанию (специальность, приобретенная позже), обязанный иметь хотя бы общее представление о разных языках, в разной степени, кроме славянских, ознакомился с современными европейскими языками (немецким, английским, датским, французским, итальянским, румынским), классическими (латинским, греческим), древнеиндийским (санскритом),

литовским, латышским и частично восточными (турецким, арабским).

С 1960-х годов всё большее его внимание как исследователя, отодвигая эти многочисленные заинтересованности, привлекли финно-угорские языки, прежде всего эрзянский (эрзя-мордовский), финский, эстонский, венгерский. Научно-теоретическое овладение этими языками, как и более обширные сведения в области других, прежде всего славянских (и индоевропейских), языков, позволили ему написать и защитить в качестве докторской диссертации монографию «Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков» (Киев, «Наукова думка», 1979) в Ленинградском (ныне - Санкт-Петербургском) университете в 1982 году по специальностям: «общее языкознание», «славянские языки», «финно-угорские языки».

С 1966 по 1968 гг. принимал участие в составлении и редактировании «Словаря славянской лингвистической терминологии» (Прага, т. 1 (1977), т. 2 (1979)). В 1984 г. получил диплом доктора филологических наук. В 1992 г. получил звание профессора по специальности «теория языкознания». В 1995 г. избран членом-корреспондентом Национальной академии наук Украины по специальности «украинский язык». С 1992 по 1996 год выполнял обязанности заведующего отделом языков Украины Института языковедения НАН Украины. С 1997 г. по настоящее время является заведующим отделом общего языкознания того же Института. Участвовал в работе семи (V, VI, IX, X, XI, XII, XIII) съездов славистов и одного (VI) международного конгресса финно-угроведов.

Основные направления работы и исследовательские области сосредоточены в изучении историко-типологического языкознания, межъязыковых контактов (в частности, теории языкового субстрата и реконструкции мерянского языка), социолингвистики (социолингвистическая классификация языков и проблема языковой стойкости народов), интерлингвистики (эсперантология), что нашло отражение в ряде коллективных работ, в которых он принимал участие как один из соавторов: в частности, «Вступ до порівняльно-історичного

вивчення слов'янських мов» («Введение в сравнительно-историческое изучение славянских языков»), Киев, 1966; «Исследования по польскому языку», М., 1969; «Исследования по серболужицким языкам», М., 1970; «Філософські питання мовознавства» («Философские вопросы языкознания»), Киев, 1972 (тж. Братислава, 1979 – переиздание на словацком языке); «Современное зарубежное языкознание. Вопросы теории и методологии», Киев, 1983; «Плановые языки: итоги и перспективы (К 100-летию эсперанто)», «Linguistica Tartuensis», Тарту, 1988; «Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов», М., 1995; «Українська мова. / Енциклопедія» («Украинский язык. / Энциклопедия»), Киев, 2000. Является одним из составителей и редакторов 7-томного издания «Етимологічний словник української мови» («Этимологический словарь украинского языка»), тт. 1-4, Киев, 1982, 1985, 1989, 2003, где ему принадлежит свыше 3000 статей. Является автором монографий: «Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков» (Киев, 1979, 2-е изд. – «По следам исчезнувших языков (Сопоставительно-историческая (историко-типологическая) фразеология славянских и финно-угорских языков)», Ньиредьхаза, 2002); «Мерянский язык» (Киев, 1985), «Очерки теории языкового субстрата» (Киев, 1989) и двух монографий, сданных в печать, но пока не изданных, – «Українська мова і мовне життя світу» («Украинский язык и языковая жизнь мира»), Киев, «Спалах» («Вспышка»), 272 стр. и «Мова і національна ментальність» («Язык и национальная ментальность»), Киев, «Гра-

Бронзовый амулет-птичка
из Поповского могильника
VII-IX вв.
[Археология Костромского края.
Кострома, 1997, с. 124]

мота», 215 стр.⁵ В целом ему принадлежит около 226 научных трудов. Подготовил ряд кандидатов наук. Среди учеников и последователей – член-корреспондент НАН Украины, д.ф.н., проф. Г.П.Пивторак, д.ф.н. проф. И.М.Железняк, д.ф.н. Ю.Л.Мосенкис, д-р Имре Пачаи (Венгрия).

Читал лекции и проводил занятия в Киевском, Ужгородском, Прикарпатском (г. Ивано-Франковск), Таврическом (г. Симферополь), Московском университетах, Костромском педагогическом университете*, в Мелитопольском и Николаевском педагогических институтах.

Увлечения: изучение языков; литературное творчество (поэзия), псевдонимы: Олександр Косолапов, Олесь Горленко; публикации: (вместе с М.М.Турчин) в сборнике «Каштанові свічі» («Каштановые свечи») – подборка «З полону літ» («Из плена лет»), Ивано-Франковск, 2000; журнал «Березіль» («Март»), Харьков, 1994, № 8; газета «Жива вода» («Живая вода»), Киев, 1990-ые годы. В целом опубликовано около 40 стихотворений⁶.

Круг стран и местностей, которые посещал или в которых учился и работал:

славянские – Украина, Россия, Белоруссия, Польша, Чехия, Словакия, Сербия, Словения;

страны балтийских народов – Литва, Латвия;

страны и автономии финно-угорских народов – Эстония, Венгрия, в Российской Федерации – Мордовия (Саранск), Республика Коми (Сыктывкар).

8 августа 2004 г. По документальным данным составил О.Б.Ткаченко

⁵ Первая из них издана в 2004 году, вторая в настоящее время готова к печати.

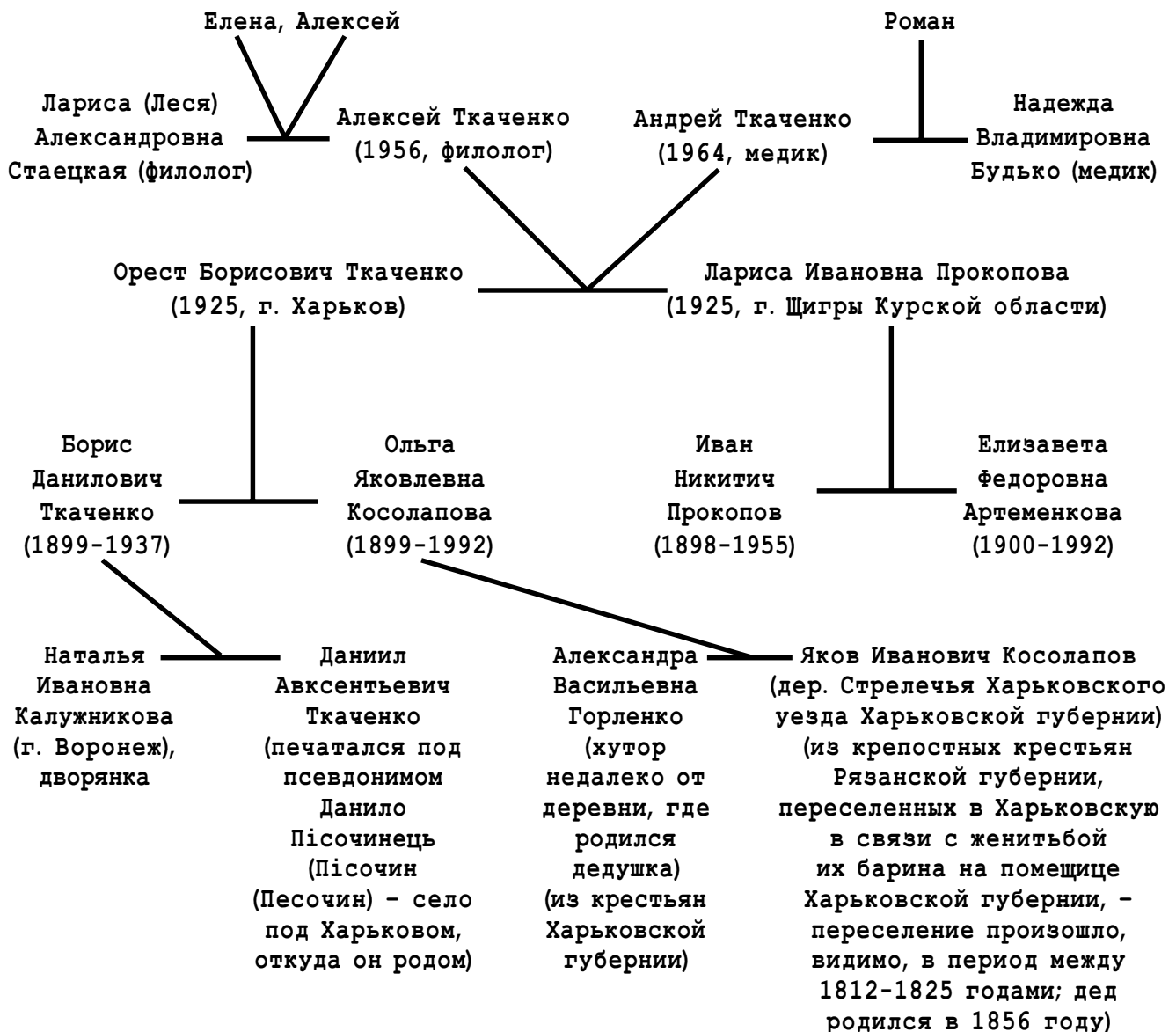
* Ныне – Костромской государственный университет. По словам его проф. Н.С. Ганцовской, и лекции и сам лектор оставили у слушателей самые лучшие воспоминания. – Прим. ред.

⁶ Написано около 100.

**Из справки, составленной в начале 2002 г.
о заведующем отделом общего языкознания
Института языковедения им. А.А.Потебни НАН Украины
О.Б.Ткаченко**

<...> Личный вклад в науку: 1) обоснование нового сопоставительно-исторического (историко-типологического) метода, особенно целесообразного при исследовании глубинных (субстратных) языковых связей; 2) разработка теории языкового субстрата; 3) реконструкция мертвого финно-угорского мерянского языка (распространенного в Центральной России до 18 в.), важного как особое ответвление финно-угорских языков и субстрат русского языка для финно-угроведения, русистики и славистики; 4) обоснование новой, третьей (после генетической и типологической) социолингвистической классификации языков мира; 5) создание на основе упомянутых выше достижений и дальнейших исследований серии работ, посвященных сложному социолингвистическому положению украинского языка, где всесторонне освещаются причины подобного положения и предлагаются возможные пути выхода из него. <...>

**Моя ближайшая родословная
(и комментарии к ней)**

В наших семейных отношениях (даже не учитывая факт развода родителей, когда мне было два года) явно преобладает (скрытый) матриархат. Поэтому свою родню со стороны матери знаю гораздо лучше, чем со стороны отца, и так, я думаю, было бы, даже если бы родители не развелись.

О своих бабушках (особенно по линии отца) знаю немного. Их жизнь – обычная жизнь дореволюционных женщин, которые по выходе замуж становились мужними жёнами и, нигде не работая, занимались домашним хозяйством и воспитанием многочисленных детей, – тоже, безусловно, большая (но не заметная) работа, чрезвычайно важная для любого государства. У бабушки по линии отца было 6 детей, у бабушки по линии матери – 5, а могло бы быть и семь (двое близнецов умерли в раннем детстве).

Больше могу сказать о дедах.

Даниил (по-украински Данило) Авксентьевич Ткаченко, переехав ещё в детстве с родителями в Харьков, служил мальчиком-посыльным у владельца и главного редактора известной харьковской газеты «Южный край». Тому понравился смышлённый мальчишка, и он помог ему поступить в гимназию и некоторое время опекал, что помогло впоследствии деду получить и высшее образование (и стать личным дворянином). К несчастью для деда, он увлёкся тем, что тогда называлось украинофильством и отнюдь не поощрялось властями. Вследствие этого, был выслан в Архангельскую губернию (работал учителем и до того, и позже) и на некоторое время был лишён права возвращения в пределы «малороссийских губерний», т.е. и в Харьковскую. Живя и работая в Воронеже (или, как тогда говорили, служа), как многие украинцы, увлекался театральным искусством, устраивал любительские спектакли, ставя украинские (т.е. на украинском языке) пьесы. В этих спектаклях участвовала и одна из воронежских барышень (хотя и русская), ставшая потом женой деда и моей будущей бабушкой. Дети этой пары дома с матерью обычно говорили по-русски, а с отцом – по-украински, из Львова дед для них выписывал детский журнал «Дзвінок» (по-украински «Звонок»), учились же в русских школах (других тогда в Восточной Украине

не было, – за исключением школ с другими (иностранными) языками), и поэтому с детства, кроме русского, прекрасно знали и украинский литературный язык, что тогда для интеллигентских городских детей в Восточной Украине было редкостью.

Дед, несмотря на свою первую ссылку, служил учителем, а потом секретарём в Харьковском университете, продолжая и свою «украинофильскую» деятельность. Дружил и сотрудничал с Борисом Гринченко, выдающимся писателем и общественным деятелем, составителем известного «Словаря украинского языка».

Предполагаю, что имя *Борис* моему отцу дед дал в честь своего знаменитого друга. Мой дед печатался в украинских журналах во Львове (до 1905 года в России подобные журналы не разрешались, выходили только альманахи). Печатали там его рецензии и статьи об украинских писателях (в частности, об украинском философе и поэте Григории Саввиче Сковороде (1722–1794) и Шевченко). В 1914 году деда снова отправили в ссылку (по той же причине, что и в первую) в город Царёвококшайск (теперь Йошкар-Ола).

Умер он, как полагаю, в 1930-м году. Дед любил до поздней осени купаться в пригородных харьковских речках (или прудах), был в какой-то степени тем, что теперь называют «моржом». Обычно, приехав домой, пил горячий чай и согревался. Но в одну из поездок потерял хлебные карточки и, думая, что это произошло уже в городе, долго их искал. Не знаю, нашёл ли, но результатом этих поисков была сильнейшая простуда и двустороннее воспаление лёгких (тогда смертный приговор: пенициллина ещё не изобрели), от чего и умер.

По-своему замечателен и дед по матери. Из крепостных он выбился в люди, т.е. стал тем, кого по-английски называют *self made man* (человек, сделавший сам себя, обязанный всем себе), правда, в этом помог ему немного брат. Происходил он из крепостных мастеровых (поэтому их барин и перевёл в Харьковскую губернию). Были они столярами и плотниками, делали кареты (уличное прозвище – Каретниковы). Дед переехал после службы в гвардии (отбирал в гвардию его сам Государь Алек-

сандр II с цесаревичем, будущим Александром III) из деревни в Харьков и сперва сам работал, а потом возглавил артель. Вместе со своей артелью участвовал в строительстве самых известных домов в Харькове, в частности, здания страхового (противопожарного) общества «Саламандра» в начале улицы Сумской (одной из центральных улиц Харькова).

Постепенно став зажиточным человеком, получил возможность учить своих детей в гимназии, хотя к дочерям был строг. Старшей дочери, по совету учительницы начальной школы помещённой в гимназию, говорил: «Смотри, хорошо учись, а то пойдёшь в кухарки». Бабушка хорошо знала народный украинский язык, но язык совершенно неавторитетный (на нём она говорила только со своими родственниками из села). Но несмотря на то, что, живя в городе, в основном говорила по-русски, украинский язык помнила хорошо, и мой отец от неё записал много интересных слов и выражений. Дед, хотя и самоучка и скорее малообразованный человек, очень ценил образованность детей, любил слушать, как дети читают. В семье особенно любили читать Некрасова (видимо, как крестьянского поэта, близкого деду). Со своими родственниками (русскими) дед любил петь народные русские песни (теперь их, наверное, не поют) «Снежки белые пушистые принакрыли все поля...» или «Среди долины ровныя...» (кажется, на слова Мерзлякова, – был такой поэт*).

Дом у деда (Косолапова) отобрали до НЭПа, поскольку жильцы участвовали в ремонте и стали совладельцами. Это, конечно, был большой для него удар, но еще хуже было бы, если бы его «раскулачивали» как нэпмана-буржуя. Дед как родился пролетарием, так им и умер (кажется, в 1930-м году). А двухэтажный дом и до сих пор стоит в Харькове, хотя уже никто из семьи в нем не живет.

Дед для меня особенно почитаемый человек. Хотя помню его несколько смутно, но сквозь отдаление лет вспоминаю его именно

* Алексей Федорович Мерзляков (1778-1830), учитель Лермонтова, написал это стихотворение в 1811 г. (slova.ndo.ru), текст см.: <http://star1992kafe.narod.ru/dolina.htm> – прим. ред.

как что-то светлое, особенно любимое. Помню, как он приходил (иногда даже в рабочем фартуке) с работы (конечно, тогда у него уже не было артели, и он работал просто мастером или даже рядовым рабочим, *пролетарием*). От него очень приятно пахло деревом. А в кармане фартука он приносил разные «спилки» (есть специальное слово для этих лишних совсем остатков, но я его забыл) для меня. И это были самые дорогие игрушки. Когда дед приближался к смерти, то сильно сокрушался, кому достанутся его столярные инструменты: ведь никто в семье не пошел по его следам. Для моего отца он изготовил прекрасные полки для книг. Потом их в доме не было, отец, разведясь, забрал их с собой.

Сам я сперва научился читать по-русски. Первое, что запомнил, были слова (из начала «Генерала Топтыгина»):

Дело под вечер, зимой
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный.**
Не спешит, трусит слегка.
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка,
Рытвины, ухабы...

Второй язык, на котором стал читать, был... белорусский. Мама привезла из поездки в Минск белорусскую антологию «Чырвоны дудар» («Красный дударь», игрок на дуде, – белорусском народном инструменте). Отец меня начинал учить украинскому, но он рано выпал из моей жизни. А белорусская фонетика ближе к русской, чем украинская. Поэтому я с большим удовольствием читал белорусские стихи Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Михася Чарота и других писателей, ставших давно белорусскими классиками.

Читать по-украински выучился позже по детским книгам, которые иногда присылал мне отец, не живший с нами.

Моя мать окончила частную гимназию, в которой преподавали два будущих академика, Александр Иванович Белецкий (литературовед) и Леонид Арсеньевич Булаховский

** У Некрасова – «Мужичок», но слово «Ямщикок» тоже есть пятью строками ниже – прим. ред.

(языковед, мой будущий научный руководитель), и будущий член-корреспондент Яков Владимирович Ролл (преподавал ботанику). На Высших женских курсах (мать вынуждена была с них уйти по семейным и прочим обстоятельствам (1919 год, гражданская война)) среди её профессоров был и крупнейший латышский (и балтийский) языковед Ян(ис) Эндзелин, мой «научный дед», учитель Л.А.Булаховского. Я приобщался к индоевропеистике по маминим конспектам.

С украинским языком мать познакомилась поздно (в 18 лет), когда подруга «подбила» её участвовать в украинском народном хоре, который возглавлял известный украинский писатель и музыкант (составитель учебника игры на бандуре), по профессии инженер, Гнат (Игнатий) Мартынович Хоткевич (расстрелянный в 1938 году). Впоследствии мама (и с помощью отца) прекрасно овладела украинским языком и, хотя в основном говорила по-русски, свободно им пользовалась и прекрасно пела украинские песни. Но об этом я, по-моему, уже где-то писал*. На русско-славянском отделении историко-филологического факультета, где она училась на курсах, она выбрала из славянских польский и сербский (из сербского помнила немного, да тогда и сербская литература была довольно бедна, а по-польски много читала) и, когда меня заинтересовал польский язык, дала мне первые уроки чтения польских букв и их произношения.

* На этом важном моменте хотелось бы остановиться несколько подробнее. Теперь, мысленно пробегая свою жизнь, я думаю, что фактически душа моей матери говорила со мной на двух языках. Разговорным языком был русский. Но она очень много пела «для души» (то есть для себя) разных прекрасных украинских песен, и на слова Шевченко, и народных (с отцом познакомились в украинском народном хоре). Эти её песни в конечном счете сильно повлияли на меня. Они вызвали огромный интерес ко всему украинскому – языку, литературе, истории... Хотя с матерью и разговаривали по-русски, я всё больше осознавал себя как украинца. А раз так, всё больше стали тянуть к себе украинская книга и украинский язык. Стало стыдно, что я плохо владею языком, который стал воспринимать как родной. Начал себя «украинизировать»: думать по-украински (то есть в уме составлять целые фразы или рассказы), писать дневник, затем стихи и, наконец, говорить.

В гимназии она изучала немецкий и французский языки (второй знала особенно хорошо, и можно сказать, что её большая любовь к этому языку меня заставила его изучить). На высших женских курсах, кроме того, им читали спецкурс по «Vita nuova» («Новая жизнь») Данте (разумеется, по итальянскому тексту). Первые шаги курсистки делали на сопоставлении французского языка (который хорошо знали) с итальянским: buon giorno – bon jour – добрый день, notte – nuit – ночь, amore – amour – любовь и т.д. Потом знакомилась с краткой грамматикой итальянского языка профессора Гливенко, который читал спецкурс, и начинали уже самостоятельно разбираться в итальянском тексте. Кроме того, мама (с несколькими подругами) ещё начинала учить английский язык у одного датчанина, оказавшегося в Харькове. Этот датчанин влюбился в харьковскую frøken (барышню), мою мать, предлагал ей руку и сердце и хотел увезти i København «в Копенгаген», но мать ему отказала... а то мог бы родиться некто, похожий на меня, но уже... в Копенгагене. Иногда фантазирую на тему, что бы тогда «из меня» вышло... Моя жена сердится и говорит, что это был бы не я, а я ей возражаю: но всё же отчасти «я», ведь мать была бы та же.

Мне показалось, что для полноты и эти детали были не лишними, хотя изрядно надоело это непрерывное «яканье», «я», «меня», «мой», «мои». Вообще-то я не особый любитель откровенничать...

И ещё немного о своём «вычурном» имени, которое, откровенно говоря, не люблю. Хотел бы иметь более обычное.

Мать хотела меня назвать Александром (потому я и взял украинский псевдоним Олександр (= Александр) Косолапов), и отец склонялся к тому же. Но в это время у моего дяди, брата отца, родился тоже сын. Дядя, как истый украинец, хотел ему дать имя Тарас (в честь Шевченко) или Богдан (в честь Хмельницкого), но его тёща, бывшая дворянка, воспитанница Смольного института благородных девиц, этому решительно воспротивилась: «Дай ему обычное человеческое имя».

И вот здесь отец, листая список украинских имён, натолкнулся на народную фор-

му имени Орест – Ярест. А надо сказать, что в своё время он как украинский диалектолог работал в селе Яреськи. Это село с великолепной украинской фонетикой (Полтавская область) впоследствии стало известно тем, что в нём Александр Довженко, выдающийся украинский (и советский) кинорежиссёр и писатель, снял два самых знаменитых украинских фильма «Звенигора» и «Земля», которые французский кинокритик Жорж Садуль впоследствии внёс в список 20-ти лучших кинофильмов всего мира. И вот у отца возникла идея: Ярест – это по-украински иначе Яресько (по названию его любимого села, очевидно, Яреськи множественное число от Яресько). И он или при первой встрече, или по телефону сказал брату: «»Продаю» тебе имя Александр». Так мой брат (погиб на войне) из Тараса или Богдана стал Александром. И в той семье воцарился мир и спокойствие.

Тёщу вполне устроил Александр, зятя тоже. Украинское Олександр имеет сокращённую форму Олесь (Лёсик), а Олександр Олесь – это псевдоним замечательного украинского поэта (настоящая фамилия Кандыба), автора известных стихов, многие из которых стали романами. А я... стал Яресько, уменьшительное (Я(рэ)сько > Ясько), но так как окружение после развода с отцом было русскоязычным, то в детстве меня звали (Яська >) Яся (укр. Васько – русское Васька (Вася), Сашко – Сашка (Саша) и т.п.).*

* Кстати, более симпатично моё имя звучит с западноукраинским ударением Орест: тогда и по-русски сохраняется О-. Но мой отец давал мне имя, исходя как раз из восточноукраинских ассоциаций. Однако имя Орест очень популярно в Западной Украине, возможно, и потому, что у римо-католиков поляков такого имени нет: это имя только православное или греко-католическое (униатское)... Поэтому (из-за его «галицийности») моих детей нередко спрашивали: «Ваш батько часом не зі Львова?» («Ваш отец случайно не из Львова?»). Я сам люблю Львов (и в связи с поэзией Ивана Франко), но впервые в нём побывал, когда мне было лет... этак 55 (если не больше)... А в общем, как видите, я родился и вырос где-то на границе, пересечении нескольких славянских культур: русской – украинской – белорусской – польской – чешской – словацкой – болгарской, и поэтому хотел бы, чтобы славяне жили мирно и как добрые соседи («Ребята, давайте жить дружно!» – как сказал один мудрый Кот).

Но судьба сыграла злую шутку с моим именем: ведь при русском аканье моё имя звучит как Арест – арест. И действительно, в конце октября 1937 года произошёл арест отца, а затем и его расстрел. В обвинении фигурировали такие «аргументы»:

1) сын личного (т.е. нестолбового), но всё же дворянина, следовательно, классово чуждый элемент;

2) участник правотроцкистского террористического блока (но это, конечно, из типа тогдашних печальных «анекдотов», – английский шпион, – рыл подземный ход из Харькова в Лондон: тогда очень легко «выбиванием» делали из человека путём самооговоров кого угодно);

3) «отрывал украинский литературный язык от языка широких трудящихся масс», – а надо сказать, наши трудящиеся массы под давлением обстоятельств говорили нередко на невообразимом жаргоне, смеси украинского с русским (у нас этот жаргон называют суржик «смесь ржи с пшеницей»)... Не мог же мой отец, который, по выражению Л.А.Булаховского, говорил и писал на изящном украинском языке, великолепный знаток этого языка (написавший до сих пор ценный «Очерк украинской стилистики»), Эдгара По, Проспера Мериме, Николауса Ленау, классиков американской, французской, австрийской литературы, общепризнанных мастеров и стилистов английского, французского и немецкого языков, переводить, «перепирать» на какой-то анекдотичный смехотворный жаргон. Он их переводил на полноценный украинский язык, так что и до сих пор не стыдно эти переводы читать (правда, переводы Николауса Ленау, которые очень хвалил Л.А.Булаховский, остались, по-видимому, в рукописи и, возможно, погибли или не найдены). А переводы Э.По высоко оценил А.И.Белецкий.

Так мой отец получил самую высокую «оценку» тех лет: тогда преимущественно расстреливали выдающихся украинцев (и многих русских вместе с ними, но русских по крайней мере не стреляли за язык). Серых (середнячков) тогда особенно не трогали, косили высокую траву, – тех, кто был ниже травы, эта тогдашняя «чума» не затронула.

Окно комнаты, в которой я работал в институте, как раз выходило (в Киеве) на

бывший институт благородных девиц, в 30-е годы место пребывания НКВД, где «судили» моего отца несправедливые судьи. Я иногда задумывался о его последних минутах и... тут же «приказывал» себе не думать об этом. От мысли об этой ужасной трагедии

* А уже в 90-е годы судили некоего выродка, серийного убийцу, убившего 50 человек, – к сожалению, носящего тоже украинскую фамилию. Эта тварь сделала убийство своим спортом и... похвалялась перед немецким корреспондентом журнала «Der Spiegel» («Зеркало»), что, если бы его выпустили, он бы продолжал убивать, так как поставил своей целью убить... 365 человек.

Во многих штатах общепризнанной демократической страны США до сих пор не отменена смертная казнь... А мы этого выродка наказали... жизнью (правда, вечного заключения)... Невольно возникает вопрос: не слишком ли поторопились (в угоду Европе). Да, справедливо, что смертная казнь часто оказывалась ошибкой, а «смерть (по словам Маяковского) не умеет извиняться». Но к чему теперь посмертная реабилитация моего отца, который мог бы еще так много полезного сделать? И почему явного серийного убийцу мы не вправе один раз убить за 50 убитых невинных людей (убийства женщин к тому же часто предвзялись изнасилованием)... Здесь один человек, сам в одном лице судья, прокурор, адвокат и палач, производит «суд» и «казнь» невинных людей (причем беззащит-

можно было бы сойти с ума.

Так даже прекрасное знание моим отцом украинского языка оказалось его тягчайшей «виной», достойной быть наказанной... смертью.*

О.Ткаченко

ных)... А мы, ничтоже сумняшеся, тратим время на эту мразь, а потом еще... даруем ему жизнь. Не правильней ли делают китайцы, которые людей, заслуживающих казни, часто расстреливают публично, да еще и заставляют родственников оплачивать стоимость пули и работы «исполнителя»... А у нас (я не знаю, как в России) идут непрерывные «бандитские» фильмы, где воспеваются всякая грязь (убийства, проституция, мошенничество в Америке). Вокруг убийц невольно создается некий ореол «романтизма», и к тому же их «подвиги» остаются безнаказанными... хотя тот же серийный убийца признавался, что, если бы была смертная казнь, он бы еще задумался, убивать или нет, а так, считая, что всё сойдет ему с рук, продолжал своё грязное и чёрное дело... А потом мы ещё удивляемся, почему при таком ужасном государственном терроризме, свирепствовавшем с 1917-го года, при нашем «смаковании» фильмов с убийствами... у нас вдруг (?) такой разгул террора с ликвидированной смертной казнью. Станный «гуманизм» к убийцам при антигуманизме к их жертвам. Это полное вырождение слишком распоясавшейся т. наз. «демократии»!

КОСТРОМСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ (К иллюстрациям)*

Раннесредневековые древности большей части современной Костромской области (кроме Поветлужья) традиционно связываются исследователями с одним из финно-угорских племенных образований – мерей.

В пользу мерянской принадлежности раннесредневекового населения Костромского края приводятся данные об определенном (но далеко не полном) сходстве материальной культуры Костромского Поволжья и основных мерянских земель, образование в XII–XIII вв. на левом и правом берегах Волги своеобразной группы так называемых «костромских курганов», в комплексе украшений и погребальном обряде

* Подборку материала подготовил ст.н.с. ГУК «КГИАХМЗ», зав. отделом хранения, к.и.н. В.С.Баранов, фотографирование и подбор иллюстраций осуществил Е.Б.Шиховцев.

которых явственно прослеживаются мерянские черты, некоторые свидетельства гидронимии (в т.ч. повторяемость названий рек Векса, вытекающих, с одной стороны, из оз. Неро и Плещеево в центральном районе расселения мери, а с другой – из озер Галичское, Чухломское, Кишинское, Горинское в Костромском крае), летописное наименование г. Галич Костромской обл. – Галич Мерский, т.е. расположенный в земле мери, некоторые данные письменных источников XVI–XVIII вв.

Предполагается, что восточная граница мерянских земель в Костромском Поволжье проходила по реке Унжа, где меря соседствовала с древнемарийскими землями в Поветлужье. На севере меря занимала территорию вплоть до Чухломского озера, за которым шли малообжитые земли погра-

ничья с другой финно-угорской группировкой – белоозерской весью.

По вопросу формирования мерянской племенной группы в литературе существуют две основные точки зрения.

Согласно одной из них, меря сформировалась в V-VI вв. н.э. в восточной части Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья на основе местного населения, относимого археологами к дьяковской культуре (Горюнова Е.И., 1961).

Другая точка зрения сводится к тому, что летописная меря появилась здесь в VI-VII вв. в результате миграции населения из Среднего Поочья, включив в свой состав группы родственных в языковом и культурном отношении местных финно-угорских племен (Леонтьев А.Е., 1996).

Своеобразие костромской группы мери объясняется как местными особенностями культуры раннего железного века, так и влиянием древнемарийских племен (Горюнова Е.И., 1967). Нельзя не отметить, впрочем, что вопрос о мерянской принадлежности раннесредневекового населения Костромского Поволжья требует все же дополнительного изучения. Не исключено, что в рассматриваемый период здесь обитала иная группировка финно-угорских племен, не известная нам по названию, а многочисленные элементы культуры, связанные с мерей и прослеженные на материалах костромских курганов XII-XIII вв., были привнесены сюда во время появления в Костромском крае древнерусского населения, в состав которого входили меря из центральных районов ее расселения и представители других финно-угорских групп. Такому предположению не противоречат ни археологические данные, ни свидетельства гидронимии и письменных источников, о которых упоминалось выше.

Предметы, представленные на фото, являются частью археологических коллекций, собранных в результате раскопок двух памятников, расположенных на территории Костромского Поволжья и характеризующих культуру дорусского населения края 2 половины 1 – начала 2 тыс. н.э. Обе эти коллекции хранятся в настоящее время в фонде «Археология» Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ГУК КГИАХМЗ).

Первая из них собрана Волго-Окской археологической экспедицией Института археологии АН СССР во время исследований Поповского городища (далее – *Лоп. г.*) под

руководством научного сотрудника ИА А.Е.Леонтьева в 1980-1984 гг. Городище расположено у дер. Попово в Мантуровском районе Костромской области на левом берегу р. Унжа. С конца XIX века неоднократно исследовалось (в 1885 г. – Ф.Д.Неведов, в 1903 г. – Н.М.Бекаревич, в 1926 г. – О.Н.Бадер, 1979 г. – Г.А.Архипов, 1980-1984 гг. – А.Е.Леонтьев).

Культурные отложения памятника относятся к VI-VII и IX вв. Напластования VIII века отсутствуют. Городище было поставлено местным финно-угорским населением, находившимся в тесных связях с финно-уграми Верхнего Прикамья. По мнению А.Е.Леонтьева, городище принадлежало одной из небольших общин костромской группы мери. Жители поселения занимались земледелием, животноводством, охотой, рыболовством, на городище зафиксированы следы деревообрабатывающего, кузнечного, бронзолитейного, ювелирного, ткацкого производств, не выходящих за рамки домашней деятельности.

Могильник у дер. Большое Молочное на р. Костроме (далее – *Мог. Б. Мол.*) является одним из наиболее поздних памятников дорусского населения в Костромском Заволжье. Он исследовался в 1983 г. В.В.Сидоровым, в 1995 г. поиски следов могильника производил А.Е.Леонтьев. На территории могильника найдены остатки 13 захоронений по обряду трупосожжения. Сожжение умерших совершалось на стороне, вне пределов могил. Остатки помещались в неглубокие ямы, чаще всего с меридиональной ориентировкой. Вероятно, практиковался и наземный обряд погребений. А.Е.Леонтьевым высказано предположение, что, по крайней мере, некоторые погребения были помещены в наземные сооружения типа «домиков мертвых». Из инвентаря, сопутствующего захоронениям, были найдены различные украшения, предметы быта, вооружения, керамическая посуда. Принадлежность могильника местному финскому населению у исследователей не вызывает сомнения. В инвентаре погребений заметно древнерусское влияние, проявившееся в появлении таких предметов как пластинчатый браслет. Материалы могильника свидетельствуют о сохранении самобытного финского населения в бассейне р. Костромы вплоть до начала древнерусской колонизации. Памятник датируется X-XI вв., но некоторые предметы архаического облика (бронзовая подвеска-уточка) указывают на возможность существования могильника еще в VIII-IX вв.

фото 1 (стр. 7). Керамическая посуда. КМЗ КОК 30780/1; КМЗ КОК 30780/11. *Пол. г.* 2 пол. 1 тыс. н.э.

фото 2 (стр. 7). Предметы бронзолитейного производства. Керамические льячка и тигель. *Пол. г.* 2 пол. 1 тыс. н.э. (КМЗ КОК 37808/130; КМЗ КОК 37808/338).

фото 3 (стр. 136). Предметы домашней утвари, охоты, рыболовства, снаряжения коня. (1, 2 - керамика; 3-8 - железо; 1-5, 7, 8 - *Пол. г.* 2 пол. 1 тыс. н.э., 6 - *Мог. Б. Мол. Кон.* 1 - нач. 2 тыс. н.э.)

1-2. Пряслица. КМЗ КОК 37808/390, КМЗ КОК 37808/372.

3-4. Крючки рыболовные. КМЗ КОК 37808/132, КМЗ КОК 37808/202.

5, 8. Наконечники стрел. КМЗ КОК 37808/258, КМЗ КОК 37808/259.

6. Кочедык. КМЗ КОК 48467/29.

7. Удила. КМЗ КОК 37808/303.

фото 4 (стр. 255). Изделия бронзолитейного производства. Шумящие подвески. Бронза.

1. КМЗ КОК 37808/228. *Пол. г.* 2 пол. 1 тыс. н.э.

2. КМЗ КОК 48467/1. *Мог. Б. Мол. Кон.* 1 - нач. 2 тыс. н.э.

3. КМЗ КОК 37808/375. *Пол. г.* 2 пол. 1 тыс. н.э.

фото 5 (стр. 259). Изделия бронзолитейного производства. Бронза (1-3, 5-7, 9 - *Пол. г.* 2 пол. 1 тыс. н.э.; 4, 8 - *Мог. Б. Мол. Кон.* 1 - нач. 2 тыс. н.э.)

1. Подвеска-уточка. КМЗ КОК 37808/325.

2. Очковидная пронизка. КМЗ КОК 37808/2.

3. Очковидная подвеска. КМЗ КОК 37808/297.

4. Перстень спиральный. КМЗ КОК 48467/25.

5. Пронизка. КМЗ КОК 37808/55.

6. Бутылковидная привеска. КМЗ КОК 37808/54.

7. Бубенчик. КМЗ КОК 37808/161.

8. Пластинчатый браслет. КМЗ КОК 48467/10.

9. Подвеска-пирамидка. КМЗ КОК 37808/169

фото 6 (стр. 277). Пластинчатый браслет. КМЗ КОК 48467/10. *Мог. Б. Мол. Кон.* 1 - нач. 2 тыс. н.э.

Ст.н.с. ГУК «КГИАХМЗ», зав. отделом хранения, к.и.н. Баранов В.С.

На титульном листе воспроизведена скульптурная реконструкция 35-40-летней мерянки с городища Плѣс Ивановской области. Работа Елизаветы Валентиновны Веселовской (Лаборатория пластической антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН). Фото Максима Войлошникова (впервые опубли. в его статье в журнале «Вокруг света», № 2 (2689), февраль 1998 г.) [http://www.vokrugsveta.ru/publishing/vs/archives/?item_id=690]

От издателя

Эта книга готовилась долго. Начало ей положила переписка Е.Б.Шиховцева с О.Б.Ткаченко о переиздании «Мерянского языка». В итоге переписки обозначился более широкий состав книги. Готовилась она скорее на энтузиазме издателей, чем на профессиональной готовности к столь ответственному труду, поэтому заведомо была обречена на промахи, недочеты и ляпсусы. Тем не менее, ясно осознавая это, мы решили выпустить книгу в свет, потому что лучше так, чем никак. Ведь труды О.Ткаченко по мерянке весьма труднодоступны в тех регионах, где меряне жили более 12 веков и около 300 лет назад сошли с арены истории, оставшись лишь в генах и языке коренных жителей.

Монографии и статьи, вошедшие в данное издание, предоставил нам автор. Подготовку компьютерной формы и вычитку части 1-й сделал Е.Шиховцев, части 2-й — Г.Неганова, части 3-й — О.Шевцова. Приложение составил из писем О.Ткаченко и других присланных им материалов Е.Шиховцев, рукописные тексты О.Ткаченко были переведены в компьютерную форму О.Шиловой и А.Бессоновой, основную часть сканирования выполнил Р.Алексеев.

Ранняя редакция приложения была напечатана в костромской газете «Тень» № 30 в декабре 2004 года.

Для удобства читателей интернет-версии (и бумажного издания) Е.Шиховцев предложил идею двух шрифтов, основного и вспо-

могательного, предназначенного для изображения многочисленных специальных значков и символов лингвистического аппарата разнообразных языков, привлекаемых О.Ткаченко. Р.Алексеев создал эти два шрифта, и с ними была начата верстка книги.

В 2005-2006 годах корректорскую и редакторскую работу над книгой вела в основном О.Шевцова, она же при небольшом содействии Е.Шиховцева сделала первую верстку книги, которая была выслана автору в Киев и вскоре вернулась в Кострому с правкой О.Ткаченко, который с образцовой скрупулезностью вычитал и проект книги и публикацию в «Тени», тем самым устранив значительное количество опечаток и прочих погрешностей.

Летом 2006 года О.Ткаченко с супругой смогли на неделю посетить Кострому, что дало новый импульс к завершению черновой верстки книги. Возвращенные в издательство гранки с авторской правкой и дополнениями легли на редакторский стол А.Соловьевой, которая при участии Е.Шиховцева и с помощью Г.Божковой завершила к лету 2007 года подготовку чистой верстки книги.

Вновь тщательно вычитанная автором корректура по возвращении в Кострому была перебелена и наконец отправлена в типографию ООО «Полиграфресурс».

О результатах судить читателям. «Подсудимых» можно видеть на следующей странице.